

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УКД: 891.550 (09) (83.3 (2Т))

ДИЛРАБОИ ОДИЛХОДЖА

**ХАФИЗ ШИРАЗИ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-
ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
(ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕВОДА)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени доктора
философии (PhD) – доктора по специальности 6D021400 –
Литературоведение (6D021402 – История литературы,
литературные связи)

ДУШАНБЕ – 2026

Диссертационная работа выполнена на кафедре мировой литературы Таджикского национального университета.

Научный руководитель: **Рахманов Бахтиёр Рузикулович** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировой литературы Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет».

Официальные оппоненты:

Исрофилниё Шарифмурад Рахимзода – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы Таджикского международного университета иностранных языков имени С. Улугзаде;

Кувватзода Саломат Мусо – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и мировой литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни.

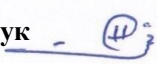
Ведущая организация: **Институт языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана.**

Защита диссертации состоится «16» апреля 2026 года, в 13:00 часов на заседании диссертационного совета 6D.KOA-020 при Таджикском национальном университете (адрес: город Душанбе, Буни Хисорак, учебный корпус №10, зал учёного совета факультета филологии, e-mail: ilhom-b.89@mail.ru; телефон: (+992) 555-05-15-50).

С содержанием диссертации можно ознакомиться в центральной библиотеке Таджикского национального университета (734025, город Душанбе, проспект Рудаки, 17) и на сайте www.tnu.tj.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

кандидат филологических наук - **Бобомаллаев И.Дж.**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Интерес к Востоку и его древней культуре – давняя благородная традиция русской классической литературы. Россия и Восток – многовековая история непростых взаимоотношений, таящая в себе немало парадоксов и загадок. Сотни лет противостояния и, вместе с тем, контактов, оставивших множество легко угадываемых следов в русском фольклоре, литературе, языке, поверьях и обычаях. Изучение функционирования восточных мотивов в русской литературе, прослеживания пути её развития, связанного с ориентацией на творчество отдельных выдающихся представителей восточной культуры, является одним из основных вопросов сравнительного литературоведения.

Объединенность исторического хода мирового развития предполагает постоянное культурное взаимодействие между всеми народами. Большинство сказочных и героических сюжетов, наставительные притчи и лирика персидско-таджикской литературы, проникшие в русскую литературу через западные каналы, удачно влились в контекст русской национальной культуры. Большинство произведений персидско-таджикской литературы было впервые переведено на русский язык через западноевропейские языки, что отразило влияние западной культуры на процесс освоения и распространения этой части национального наследия. Восточные мотивы и темы прослеживаются на протяжении всего литературного пути русской культуры. В разные периоды эти связи приобретали более или менее насыщенный оттенок.

Изучение международных литературных связей сегодня представляет собой одно из ключевых направлений в литературоведении. Оно охватывает все большее число мировых литератур, а также широкий спектр тем и проблем. Несмотря на значительные успехи в исследовании взаимосвязей русской и восточной литератур, литературоведение продолжает активно изучать способы и особенности влияния русской культуры на литературу Востока. Это связано с тем, что проблема взаимодействия русской и персидско-таджикской литератур остается актуальной и в настоящее время.

В данном контексте наиболее актуальным представляется глубокий анализ проблем перевода газелей персидско-таджикского классика Ходжи Шамсиддина Хафиза Ширази на русский язык. Ранние переводы, лишённые внимания к образной системе, лингвистическим особенностям, национальным мотивам и прочему, уступили место постепенно развивающемуся художественному, а затем филологическому переводу, снабжённому глубокими комментариями и пояснениями.

Степень изученности научной темы. Тема исследования охватывает широкий спектр научных трудов в области русской и таджикской филологии, посвящённых литературным взаимосвязям между Востоком и Россией, в частности — восприятию и интерпретации творчества Хафиза Шерози. Ученые-литературоведы, такие как А.Н. Веселовский [2], В.М. Жирмунский [6], Н.Н. Брагинский [15], Н.И. Конрад [24], Г.А. Гуковский [18], М. Шукуров [46], Ш. Мухтор [45], В. Самад [35], Ш. Хусейнзаде [42], Р.М. Сафиулина [36] внесли значительный вклад в изучение литературных взаимосвязей.

Исследования, посвященные функционированию газелей Хафиза в русской литературе, а также работы, посвященные западно-восточному синтезу и взаимосвязям эпохи романтизма, занимают важное место в академической литературе. Г.А. Гуковский, в своей работе «Пушкин и русские романтики» [18], поднимает вопросы «восточного стиля» в русской поэзии, подчеркивая, что этот стиль не ограничивается национальными, географическими или историческими рамками. Он описывает его как «пёстрый» и «роскошный» стиль неги, нескончаемых идеалов, страстей и удовольствий, переплетенный с бурной воинственностью и стремлением к свободе, такими характерными для гражданского романтизма и других первобытных культур [18, 258].

В исследовании Мохаммади Захры «Пушкин и Хафиз: к проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина» [25] анализируется влияние творчества Хафиза на произведения Пушкина. Автор указывает, что обращение Пушкина к поэзии Хафиза стало возможным благодаря присутствию в ней мотивов, созвучных европейской поэтической традиции. Захра акцентирует внимание на том, что такие мотивы органично вписываются в

тематическую структуру романтической элегии или, по крайней мере, не противоречат ей по своей сути.

Кроме того, автор подчёркивает значимость восточной поэтики для обогащения художественного языка Пушкина, отмечая, что обращение к мотивам Хафиза позволило русскому поэту не только расширить свою эстетическую палитру, но и приблизиться к универсальным темам любви, философских размышлений и единения с природой. Захра также указывает, что «восточный слог» у Пушкина нередко выполняет функцию художественного эксперимента, в котором элементы восточной культуры переплетаются с европейскими романтическими традициями, создавая уникальный синтез, характерный для его творчества.

Особое внимание в работе уделяется интертекстуальному анализу, демонстрирующему, как Пушкин адаптировал образы и мотивы восточной поэзии, трансформируя их в соответствии с традициями русской литературы и собственным поэтическим мировоззрением [25].

К вышеизложенному добавим, что изучение художественного мира таких мастеров поэзии, как Хайям, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Руми заложены в научных трудах и таких русских ориенталистов, как Н.И. Пригарина [28], Н. Ю. Чалисовой [43], М. А. Русанова [32] и других.

В таджикском литературоведении данное направление активно развивалось с середины XX века. В этом контексте следует выделить работы Ш. Мухтора, исследовавшего отражение философско-этических категорий газелей Хафиза в контексте таджикской литературы [45]. В. Самад в своих трудах рассматривал интертекстуальные связи между Хафизом и поэтами Востока и России, а также роль Хафиза в формировании духовного кода таджикской литературы. Значителен вклад Ш. Хусейнзаде, посвятившего ряд исследований поэтическому языку Хафиза и его восприятию в советской и постсоветской гуманитарной мысли [42].

А. Кодиров и М. Шукуров внесли вклад в изучение поэтической традиции Хафиза в контексте таджикско-русских литературных контактов, акцентируя внимание на проблеме адекватности художественного перевода и трансформации

культурного кода в переводческом акте. Особого упоминания заслуживают исследования Р.М. Сафиулиной [36], в которых анализируются пути вхождения восточного поэтического наследия, в том числе Хафиза, в русскую культурную матрицу конца XIX – начала XX вв.

Таджикские литературоведы Б. Ходжибаева [41], М. Мирзоюнус [41] и Т.М. Гольц [16] изучают влияние персидско-таджикских классиков на формирование мировоззрения таких русских писателей, как Д.П. Ознобишин, А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Опираясь на сравнительно-исторический метод и анализ работ других исследователей, они показывают тесную связь между творчеством А. С. Пушкина и мотивами персидской литературы, а также кораническими образами. Примеры из произведений поэта, вдохновлённых работами Саади и Хафиза, подчёркивают значимость восточной лирики для русской классической литературы.

Связь исследования с программами либо научной тематикой. Проведенное диссертационное исследование непосредственно связано с приоритетными направлениями современного литературоведения, в первую очередь с сравнительно-историческим и сравнительно-типологическим методами изучения междилитературного процесса. Работа выполнена в русле фундаментальной научной проблемы, посвященной диалогу культур Запада и Востока, и вносит конкретный вклад в изучение механизмов рецепции, трансформации и адаптации восточных художественных традиций в русской литературе.

Исследование напрямую соотносится с темами планов научных центров, специализирующихся на изучении международных литературных связей, истории перевода и теории межкультурной коммуникации. Его содержание перекликается с работами, поддерживаемыми программами по востоковедению и ориентированным на анализ взаимодействия русской и мировой литературы.

Практические аспекты работы, связанные с анализом переводческих стратегий и проблемой художественного эквивалента, имеют значение для развития научно-практического направления «Художественный перевод восточной поэзии».

Результаты диссертации могут быть использованы в рамках научных тем, посвященных творчеству ключевых фигур-медиаторов (таких как И.В. Гёте, Ф. Рюккерт, Д.П. Ознобишин), а также в исследованиях, фокусирующихся на жанровых заимствованиях (в частности, на судьбе газели в русской поэзии).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Рассмотрение творчества Хафиза¹ Ширази в контексте русско-восточных литературных связей: определения роли мотивов его лирики в произведениях русских поэтов различных исторических периодов; проблем рецепции (освоение и восприятие) произведений Хафиза Ширази русскими поэтами; проблема перевода газелей Хафиза на русский язык.

Задачи исследования. Основными задачами же работы являются:

- выявление роли западно-европейских переводчиков и ориенталистов в распространении поэзии Хафиза в России XVIII-XIX веков;
- определении степени влияния западно-европейских переводчиков, в частности И.В. Гёте, на восприятие лирики Хафиза русскими поэтами-переводчиками;
- установление роли русских переводчиков XIX-XX веков в популяризации лирики Хафиза в русской литературе;
- анализе своеобразия переводов и характеристике степени мастерства русских переводчиков в деле перевода газелей Хафиза;
- научном осмыслении актуальности проблемы художественного перевода поэзии Хафиза на русский язык;
- раскрытии причин популярности произведений Хафиза Ширази и своеобразия их интерпретаций.

Объектом исследования является русская лирика XIX-XX веков, содержащая мотивы лирики Хафиза и посвящённая этому восточному классику.

Предметом исследования стали переводы газелей Хафиза, осуществлённые на русский язык в разные исторические периоды.

¹ Хафиз Ширази (в разных источниках Гафиз, Гафис, Хофиз, Гафиц)

Теоретическую основу исследования составляют:

– монографические исследования литературных связей Н.И. Конрада «Запад и Восток» [23], Х. Шодикулова «Литературные связи и перевод» [44], С.Л. Каганович «Русский романтизм и Восток» [22], П.В. Алексеева «Ознобишин и Хафиз» [11], М.В. Русаковой «Литература России и Восток» [31], Б.Р. Рахманова «Проблемы русско-восточных литературных связей в контексте творчества В.А. Жуковского и Д.П. Ознобишина» [30];

– исследования, посвящённые изучению переводов газелей Хафиза на русский язык Шокира Мухтора «На пути познания газелей Хафиза» [45], Вали Самада «Газель Хафиза с точки зрения Толстого» [34], А.С. Аминова «Проблема художественного стихотворного эквивалентного перевода» [12].

Особенно стоит выделить труды таких исследователей, как Л. Гроссман [17], Е.А. Илюшин [20], Вали Самад [34; 35], Н. Чалисова [43], С.Л. Каганович [22], А. Афсаход [13], Х. Шодикулов [44], А. Давронов [19], М. Шукуров [46], З. Муллоджонова [26], Ш. Хусейнзаде [42], С. Табаров [39], Х. Холов [12], А. Аминов [12], А. Абдусатторов [10], М.С. Имомов [21] и других. Их труды охватывают широкий спектр тем, связанных с литературными взаимоотношениями между Таджикистаном (Персией) и Россией. В их исследованиях рассматриваются различные аспекты влияния культурных элементов, поэтических мотивов и тематики на литературное творчество и восприятие восточной поэзии в русской литературе.

Эти исследователи внесли существенный вклад в изучение и понимание взаимодействия литературных традиций между русским и таджикским (персидским) культурными пространствами, способствуя расширению знаний об обогащающих взаимоотношениях в области литературы.

Методологические основы исследования, использованными в работе, являются сравнительно-исторический метод, сравнительно-типологический, аналитический, системный, а также сопоставительный и контекстуальный методы анализа.

Источники исследования. Источниковую базу диссертационного исследования составил широкий круг текстов, условно разделяемый на несколько ключевых групп.

Первичными источниками выступили поэтические тексты Хафиза Ширази, а именно оригинальные газели на языке фарси, а также их переводы и переложения на русский и западноевропейские языки (немецкий и французский). Особое внимание уделено переводам, выполненным такими ключевыми фигурами-посредниками, как Фридрих Рюккерт («Восточные розы», 1822) [57], Иоганн Вольфганг фон Гёте («Западно-восточный диван», 1819) [53], а также русскими поэтами и переводчиками XIX-XX веков: Д.П. Ознобишиным [48], А.А. Фетом (через переложения Г.Ф. Даумера) [7], НС. Гумилевым [3] и другими.

Вторую группу источников образуют произведения русской лирики XIX-XX веков, содержащие реминисценции, мотивы и стихотворные ответы (назира) на творчество Хафиза, а также тексты, напрямую посвященные персидскому поэту. В их числе произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Подолинского, Ф.В. Булгарина.

«Важную группу источников» составляют историко-культурные и литературные свидетельства, которые позволили проследить пути проникновения восточных мотивов в русскую литературу. К ним относятся труды европейских ориенталистов и путешественников: «Путешествие в Московию и Персию» Адама Олеария [56], переводы Андре дю Рие [52], фундаментальный труд Бартеlemi д'Эрбело «Восточная библиотека» [49], а также антологии и исследования Йозефа фон Хаммер-Пургштала [54].

«Теоретико-методологическую основу» исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области сравнительного литературоведения, теории перевода и истории востоковедения, указанные в соответствующем разделе автореферата.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении осуществлён системный и комплексный анализ рецепции творчества персидского поэта-классика Хафиза Ширази в русской литературе и переводческой практике, что позволяет выявить специфику восприятия восточной поэтической традиции в европейском и русском культурном пространстве.

В работе впервые рассматривается степень востребованности и трансформации восточных мотивов в творчестве русских поэтов-переводчиков, а также устанавливается их роль в формировании художественного образа Хафиза в русской литературе. На основе сопоставительного анализа оригинальных текстов газелей Хафиза и их русских поэтических переложений выявлены и систематизированы особенности интерпретации, адаптации и переосмысления поэтики оригинала, обусловленные различиями эстетических, культурных и поэтических традиций. Впервые уточнены характерные черты европейской и русской ориенталистской рецепции газелей Хафиза, что позволило определить специфику переводческих стратегий, направленных на передачу образно-символической системы, метроритмической организации и философско-мистического содержания оригинала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Знакомство русских читателей с персидско-таджикской классикой и, в частности, с творчеством Хафиза Ширази, происходило благодаря трудам западно-европейских ориенталистов (И.В. Гёте, А. Журдена, Б. Дэрбело, Ф. Даумера, Ц. Норвида и др.). Первые переводы (переложения) газелей Хафиза на русском языке были выполнены не с персидского оригинала, а с западно-европейских языков (немецкого и французского). Дальнейшее развитие изучения литературных связей Востока и Запада связано с деятельностью русских писателей-ориенталистов (А.А. Бестужев-Марлинский, О.И. Сенковский, Д.П. Ознобишин, Н.В. Гоголь), а также поэтов начала XIX века — В.А. Жуковского, А.И. Подолинского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Д.П. Ознобишина, чьё обращение к Хафизу было обусловлено эстетикой романтизма.

2. Обращение А.А. Фета к творчеству Хафиза Ширази через переложения Ф. Даумера было связано с поисками новых тем, идей, образов и форм выражения поэтической мысли. В дальнейшем в русской литературе формируется образ Хафиза как поэта-мистика, суфия и поэта-мудреца, окутанного мифами, что отразилось в произведениях Ф.В. Булгарина и Н. Гумилёва. Обращение С. Есенина к творчеству Хафиза объясняется

разработкой проблематики цветовой символики и понятийного ряда. Представители направления «хафизитов» воспринимали Хафиза как поэта «небесной чистоты», воспевающего земные наслаждения и красоту, и как учителя, наделённого мудростью.

3. Под влиянием восточной литературы русские поэты обращаются к жанрам персидско-таджикской классики, прежде всего к газели; газели Хафиза Ширази получают широкое распространение, вследствие чего становится известен жанр назира — поэтические ответы на строки классика. Одновременно к творчеству Хафиза обращаются таджикские поэты (М. Турсунзаде, Лоик Шерали, Хабибулло Файзулло), а также отечественные литературоведы (А. Мирзоев, А.Н. Болдырев, Х. Мирзоаде, Ш. Хусайнзаде, В. Самад, Ш. Мухтор), что свидетельствует об устойчивом научном и художественном интересе к его наследию.

4. Перевод рассматривается как одна из важнейших форм литературных связей. В силу субъективных и объективных причин читатель имеет дело с различными типами перевода — подстрочным, вольным, художественным, филологическим. Проблема соотношения формы и содержания в переводах газелей Хафиза Ширази на русский язык является актуальной и способствует совершенствованию теории и практики художественного перевода и переводоведения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном осмыслении проблемы восприятия и перевода поэзии Хафиза Ширази в контексте русско-восточных литературных связей. Работа расширяет представления о характере и формах рецепции восточной классики в русской литературе XVIII-XX вв., раскрывая специфику освоения персидско-таджикской поэзии через призму эстетических, философских и лингвистических особенностей. Исследование углубляет понимание художественного перевода как формы межкультурной коммуникации и выявляет типологические особенности интерпретации восточных текстов русскими поэтами-переводчиками.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть применены при написании учебно-методических пособий, учебников и

хрестоматий по литературоведческим дисциплинам; чтении спецсеминаров и спецкурсов по литературным связям России и Востока, теории и практике перевода; при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций на гуманитарных факультетах.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация на тему «Хафиз Ширази в контексте русско-восточных литературных связей (проблемы восприятия и перевода)» на соискание ученой степени доктора философии (PhD) полностью соответствует тематике и вопросам исследования по научной специальности 6D021402 – История литературы, литературные связи.

Личный вклад соискателя ученой степени в исследовании. Автор диссертационного исследования на примере творчества русских поэтов и писателей изучала влияние традиций персидско-таджикской литературы и, в частности, восточных мотивов на русскую литературу (на примере творчества Хафиза Ширази). Приводя примеры переводов и переложений отдельных газелей классика восточной литературы, выявляет специфику и особенности перевода восточного жанра на русский язык.

В диссертации и опубликованных работах автора, отражены основные результаты исследования.

Апробация и применение результатов диссертации. Данная диссертация является итоговой работой многолетних поисков и изучением автором работы имеющихся материалов. Результаты исследования были обсуждены на научных семинарах и конференциях: международная научно-практическая конференция на тему: «Актуальные проблемы языкознания и литературоведения в современном времени» (Душанбе, 2022); республиканская научно-практическая конференция на тему: «Русский язык и литература в современных реалиях», посвященной году Русского языка (Душанбе, 2023); международная студенческая научно-практическая конференция ФГБОУ ВПО «МГТУ» (Россия, 2023); научно-практическая конференция молодых ученых ТНУ, посвященной «Дню молодёжи Таджикистана» и «Двадцатилетию изучения и развития естественных, точных и математических наук (2020-2040 гг.)»

(Душанбе, 2023); международная научно-практическая конференция, посвященная Году русского языка в странах СНГ (Душанбе, 2023); международная научно-практическая конференция на тему: «Наука и образование: тенденции развития в условиях информационного общества», посвященной «75-ой годовщине со дня образования Таджикского национального университета (Душанбе, 2023); международная научно-практическая конференция на тему: «Актуальные проблемы лингвистики и перевода» (Душанбе, 2024).

Диссертация обсуждена и представлена на защиту на расширенном заседании кафедры мировой литературы факультета русской филологии с участием членов кафедры истории литературы факультета таджикской филологии Таджикского национального университета (протокол №11 от 12 июня 2024 года).

Публикации по теме диссертации. Основное содержание диссертационного исследования отражены в 19 статьях автора, 6 из которых напечатаны в журналах, зарегистрированных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан и 13 статей опубликованы в сборниках материалов международных и республиканских научных конференций. Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, напрямую связаны с темой исследования.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, 10 разделов, 4 подразделов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, списка использованной литературы, перечня научных публикаций по теме диссертации. Общий объем диссертации составляет 178 страниц компьютерного набора.

ОСНОВНЫЕ ЧАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ (КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ)

Во введении обосновываются выбор темы, актуальность, цели и задачи исследования, новизна, практическая значимость, методологические принципы работы над темой и основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая – «Мотивы поэзии Хафиза Ширази и его личность в русской литературе XIX века» раскрывается в четырёх разделах. Первый раздел первой главы **«Основные предпосылки вхождения мотивов газелей Хафиза Ширази в русскую литературу»** рассматривается знакомство русской литературы с духовными достижениями восточной культуры.

Персидско-таджикская литература на персидском языке зародилась на территории, где проживали в основном восточные иранцы, включая таджиков, и затем распространилась на территории, где жили западные иранцы (персы). В VIII-XV веках персидскую литературу узнали народы, населявшие пространства Средней Азии, самого Ирана и Азербайджана. «Можно сказать, что персидская литература распространилась на четыре основных региона, каждый из которых имеет свои особенности: 1) Закавказье (Арран, Ширван, Грузия, Армения); 2) Средняя Азия (Хорезм, Бухара, прилегающие районы Хорасана, Ферганы, Балх, Газна); 3) Иран (Иракский Персидский, Каспийское побережье, Фарс, Хамадан, Систан); 4) Индия» [24, 255].

Персидско-таджикская литература представляет собой одну из самых древних и богатых литератур мира. Особенно впечатляющим является ее классический период, когда творили великие мастера поэтического искусства, такие как Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз и многие другие.

В русском литературном процессе понимание Востока прокладывалось двумя путями: прямым (Восток рассматривался как неотъемлемая часть российского культурного пространства) и косвенным (через посредничество европейского востоковедения).

В 1815 году российский журнал «Вестник Европы» опубликовал сокращённый перевод труда французского лингвиста и ориенталиста А. Журдена под названием «О языке персидском и словесности». Эта статья представляла обзор истории персидской классической литературы, основанный на работах европейских востоковедов. В начале статьи Журден описывает особенности персидской поэзии, связанные с характером самого персидского языка. Он называет персидский язык «итальянским Азией», который обладает «сладостью, нежностью, гармонией, пленяющей слух».

Журден характеризует персидскую словесность, отмечая, что жители Востока предпочитают удивлять, чем быть понятыми, и склонны к избытку идей, нелепым метафорам, странным фигурам и беспорядку воображения. Он отмечает, что богатство воображения заменяет силу мышления, а поэты стремятся играть словами, использовать необычные выражения с множеством значений.

Заслуга Журдена заключается несомненно в том, что именно он одним из первых смог представить европейским читателям Хафиза и его газели. Шираз, сравненный с Афинами Персии, породил двух великих поэтов – Саади и Хафиза. Журден уподобил Хафиза Анакреону, а имя Хафиза толкуется как «солнце веры». Хафиз был известен своим душевным спокойствием и предпочтением общества монахов и дервишей. Характерная для него легенда о встрече с Темирланом также представлена Журденом.

В ответ на критику со стороны Темирлана, Хафиз оправдывает свою поэтическую расточительность, утверждая, что предпочёл бы отдать Самарканд и Бухару за «пятнышко», которое придало бы новую красоту ещё более прекрасной женщине. Темирлан восхитился ответом и перестал ругать поэта, переходя к ласкам.

Однако, как не находчив был Хафиз, как не благосклонен к нему Тамерлан, что эта версия, берущая свое начало из сочинения Доулатшаха Самарканди («Антология поэтов», XV в.), на проверку является абсолютно несостоятельной: второе завоевание Тамерланом Шираза произошло в 1393 году, Хафиз же ушел из жизни за четыре года до указанного события, а точнее, в 1389/90 году.

Но следует отметить, что данная легенда настолько понравилась почитателям творчества Хафиза, что возникли различные ее интерпретации, в том числе в поэтических вариациях. Существует огромное множество стихотворных вариантов этой легенды.

С точки зрения Журдена, творчество Хафиза представляет собой образец удивительного красноречия. Несмотря на простоту и ясность его языка, в произведениях Хафиза часто затрагиваются сложные и труднодостижимые темы, что делает его стиль

особенным и таинственным. Журден подчёркивает, что Хафиз использует загадочные выражения, а его манера письма отражает чувствительность и духовность, присущие Факиру. Это придаёт его творчеству символическое название «Лиссан-Елгариб», что переводится как «таинственный язык».

В то же время за внешней загадочностью скрывается содержательная глубина. По мнению Журдена, слог Хафиза, оставаясь простым и лаконичным, включает в себе важные философские размышления и взаимосвязанные идеи, что делает его творчество одновременно доступным и многослойным.

Еще одной особенностью произведений Хафиза, выделенной Журденом, является бинарное восприятие его лирики. Он отмечает, что стихотворения Хафиза можно трактовать с двух точек зрения. Стихотворения Хафиза можно трактовать с двух точек зрения. С одной стороны, его лирика связана с учением суфиев, и под символами любви и вина поэт прославляет «благоедеяния божества всесильного» и воспевают «пламенную любовь к Богу». В этой интерпретации его стихи глубоко духовны и отражают стремление к объединению с высшей реальностью через любовь и экстаз.

С другой стороны, лирика Хафиза открывает богатство чувственных образов, восхищенных природой, женщиной, вином и песнями. Эти стихи отмечаются своей красотой и живостью, а символы любви и вина могут трактоваться как аллегории, выражающие глубокие человеческие чувства и жизненные радости.

Таким образом, лирика Хафиза представляет собой уникальное сочетание духовности, мистицизма и чувственной человечности, что делает его стихи интересными и многогранными для интерпретации.

Существует две основные точки зрения на лирику Хафиза. Согласно первой точке зрения, его произведения связаны с учением суфиев, и за символами любви и вина скрываются похвалы «благоедеяниям божества». Другие считают, что Хафиз изображает себя как человека, «предавшегося иступлению страстей», видя в нем рынду, воспевающего любовь и вино.

Западноевропейские востоковеды и поэты проявляют интерес к творчеству Хафиза Ширази, рассматривая его как

возможный источник вдохновения в условиях кризиса европейской культуры. В «Западно-восточном диване» И.В. Гете восточная и западная литературные традиции органично соединяются, предлагая новаторское представление о значении Хафиза и других восточных поэтов.

Есть много свидетельств, указывающих на влияние Хафиза на «Прометидион» Циприана Норвида. В этом диалоге Норвида, относящемся к библейской «Cantica Canticorum». В чувственной, тонкой и в то же время чрезвычайно хрупкой материи Дивана ветер, особенно зефир, связанный с очень эмоциональными моментами, является постоянным повторяющимся элементом поэтического образа. Он имеет символическое и аллегорическое значение, несет в себе чувственный аромат женских локонов и является вестником любви. Более похожие персидские воспоминания можно найти в «Прометидионе». Например, они присутствуют в этой мастерской передаче тонких любовных желаний, тоски по физическому присутствию любимого и удовлетворению чувств. В Диване Норвида особое место занимает мотив женского взгляда; в исламском мире в женском силуэте, плотно закутанном в мантию, обычно открыты только глаза, не являющиеся запретной темой. Видение, прикосновение глазами становится единственной доступной формой чувственного контакта с предметом чувств.

В романтической европейской литературе XIX века можно встретить значительное число поэтов, пытавшихся воспроизвести в своем творчестве не только стиль, но и форму персидской газели, среди них Е. Дунин-Борковский, К. Бжоведский, Ал. Ходзько и др.

Раздел второй первой главы – «Хафиз в восприятии русского ориентализма» посвящен освоению произведений Хафиза русскими писателями. Знакомство русских поэтов с миром Востока произошло еще в XVIII веке, а в пушкинскую эпоху «восточные» мотивы занимали особое место в произведениях романтиков, так ценивших экзотический колорит. Русская романтическая культура характеризовалась интересом к изучению восточных языков, мифологии, фольклора и религий народов Азии, коллекционированию книжных памятников, предметов искусства.

Хафиз, являясь выдающимся представителем персидской поэзии, привлек особое внимание романтиков, включая А.С. Пушкина. Пушкин исследовал творчество Хафиза через работы, такие как «Западно-восточный диван» Гете и русские переводы иранских классиков, опубликованные в «Вестнике Европы». Этот интерес Пушкина имеет историко-литературное значение в свете проблемы «восточного слога», которая обсуждалась русскими романтиками 1820-х годов.

Фирдоуси, Саади и Хафиз оказались вдохновляющими для русских романтиков, в частности, для А.А. Бестужева-Марлинского. Он стремился продемонстрировать свое мастерство в переводе газелей Хафиза, объединяя два разных полюса – «Диван» Гете и восточные источники. Бестужев-Марлинский считал Хафиза «недосягаемым для подражания».

Другим русским исследователем Востока был ориенталист Д.П. Ознобишин. В своей статье «О духе поэзии восточных народов» он рассматривал восточную литературу как выражение страсти и отмечал эпикурейские мотивы в поэзии Хафиза. Ознобишин создал переводы произведений Хафиза, Саади и других восточных поэтов.

Л.Н. Толстой также проявил интерес к творчеству Хафиза, освещая морально-этические идеи в своих произведениях и переводя произведения восточных мыслителей. Его восторг и изучение восточных традиций открыли новую страницу в истории культурных связей России и Востока.

Раздел третьей первой главы – «Рецепция мотивов лирики Хафиза в русской поэзии» посвящён влиянию поэзии Хафиза Ширази на творчество русских поэтов в частности на цикл стихотворений А.А.Фета. Афанасий Фет, вдохновленный Хафизом, создал переводы его произведений и вольные переложения, где отразил свои идеалы язычества и скептицизма. Фет видел в Хафизе певца любви, чья жизнь пережила «нравственный переворот». В своей собственной лирике Фет ощущал магнетическое притяжение Востока и называл его «страной чудес и вопиющих противоположностей».

Четвертый раздел первой главы – «Восприятие творчества и личности Хафиза в русской литературе»

рассматривает восприятие восточного классика в творчестве Ф.В. Булгарина и Н. Гумилева.

Что касается темы восприятия личности Хафиза Ширази в русской литературе, можно сказать, что личность Хафиза окружена мистикой, таинством и множеством легенд.

В восприятии некоторых русских ориенталистов Хафиз был отчаянным городским плутом и любителем разгуляться на весь честной базар. Вот он сидит в тюрбане и в халате с чашей вина в руке:

«Ветер повеял из сада через тенистый порог.

Гурия – рядом. Отрада – грозный блистающий ток.

Да, я бедняк! Я сегодня величием равен царю.

Кровля мне – облако. Трон мой – берег. Подножье – поток»

[3, 57].

«Изысканная нежность и задиристость, затейливо блестящая форма газелей – это прибежище, куда Хафиз уходит от преследующих его кошмаров смутных времен; это – средство, с помощью которого он надеется заглушить в себе стихию протеста; это – тихая пристань, где можно забыться, где можно укрыться от внутреннего голоса борьбы; это знак примирения с мрачной действительностью» [2, 225].

В своем исследовании об освоении творчества Хафиза русским литературным процессом считаем необходимым обратить внимание на особенность восприятия русскими писателями сладкозвучного Соловья Ширази. Ярким примером стали произведения Ф.В. Булгарина «Сочинения Фаддея Булгарина» (1830), и Н. Гумилева «Дитя Аллаха» (1916) [3].

«Правосудие и заслуга» (Восточная сказка) – это восточная повесть о мудром правителе – Халифе Гарун-аль-Рашиде. Халиф решил отметить своих подданных и лучшего вознаградить. Были предложены разные кандидатуры, которые были правителем отклонены: военначальник, дефтердар (казначей), кади (судья), визирь, придворный. Халиф вместе с приближенными рассуждает и приходит к правильной мысли. «Работники» государства делятся на две группы: одни насаждают, другие стерегут. К первой группе относятся люди образованные: ученые и поэты. Им свойственно делиться своей мудростью с людьми, указывать путь справедливости и счастья. Поэты вращаются в душах людей

чувства нежные и изящные, создают прекрасные картины и образы. Поэтами движет любовь и добрым словом они ведут государство к духовному совершенству. И Халиф объявляет награду мудрому Гафизу (Хафизу). Это решение правителя было одобрено народом.

Другой писатель через сотню лет вслед за Ф.В. Булгариным наградит Хафиза Ширази любовью творением небес. Этому посвящена пьеса Н. Гумилева «Дитя Аллаха» (1917).

В произведении Пери пришла на Землю в поисках любви. Она ищет лучшего из сыновей Адама и ей в поисках должен помочь Дервиш, который дает Пери Единорога и Соломоново кольцо. В своих поисках любви Пери встретила юношу, стремящегося к неге и сладострастии; бедуина, который стремится к битвам и победам; калифа. Пери в отчаянии – ее попытка найти любовь обернулась гибелью трех людей. Хафиз «глазами, полными огня», «в сердце сладостно ужален»: он влюбился. Так Н. Гумилев в Хафизе, представителе персидско-таджикской классики, увидел поэта небесной чистоты, наделенного мудростью Всевышнего, обладающего Языком Чудес, способного воскресить человека. Он воспекает земные наслаждения и красоту, он наставник молодости и певец любви. Он пробуждает в слушателях чувства прекрасные. И Хафиз достоин любви небесной и земной, он достоин Пери.

В выводах к первой главе отмечено:

– В трудах европейских романтиков мы видим, как они творчески преобразуют темы и мотивы газелей Хафиза, комментируют их, и предоставляет свою собственную интерпретацию. Они не ограничиваются простыми переводами, а скорее создают свои уникальные вариации, постигая восточные образы и сравнения.

– А.А. Бестужев-Марлинский, русский ориенталист и переводчик, также применял творческий и вольный подход к переводам газелей Хафиза. Его работы отличались индивидуальным стилем и свободой передачи восточных мотивов.

– Д.П. Ознобишин при переводах газелей Хафиза проявлял творческий и вольный подход, создавая свои «назиры» или подражания восточному соловью. Его работы были насыщены

магией восточного мира, которую он творчески вносил в свои интерпретации.

– В русском литературном пространстве интерес к творчеству Хафиза увеличивается, и его лирика становится вдохновляющим источником для А.А. Фета. Фет, освоивший эзотерику восточного мира через немецкие переводы газелей Хафиза, в своих восточных стихотворениях вносит новые эмоции и образы, не рассматриваемые в литературоведении как простые переводы.

– Произведения Ф.В. Булгарина «Правосудие и заслуга» и Н. Гумилева «Дитя Аллаха» являются яркими примерами особенного восприятия Соловья Ширази русскими писателями. Оба автора придали восточным мотивам свой уникальный стиль и интерпретацию, дополнив их новыми смысловыми оттенками.

Глава вторая – «Проблема восприятия поэзии Хафиза Ширази в русской литературе XX века» раскрывается в трёх разделах.

Раздел первый второй главы – «Восприятие газелей Хафиза Ширази в поэзии Серебряного века» рассматривает проблему восприятия Хафиза С. Есениным. «Серебряный век» является периодом, выделяющимся в мировой культуре своими уникальными философско-эстетическими явлениями. Деятели этого времени создали новые концепции, которые выступали в оппозиции бездуховности, потребительской идеологии и вульгарной рациональности общества. Русский символизм стал одним из центральных направлений в искусстве и культуре «Серебряного века», стремясь к объединению ключевых духовно-творческих тенденций европейской и русской культуры того времени. Философия русских символистов выдвигала диалектическое единство «родного» и «вселенского» как основу будущего духовного изменения мира.

С. Есенин в начале XX века вошел в русскую литературу. Мир поэзии Есенина, несмотря на его сложность, многообразие и даже противоречивость, представляет собой неразрывную художественную ткань, составленную из образов, символов, картин, мотивов и тем. В творчестве поэта одни и те же слова, многократно повторяясь, приобретают своеобразный есенинский символизм. Объединяясь с другими словами и образами, они

формируют единый поэтический мир, где каждый элемент сплетен с другими в единое художественное полотно. Хафиз Ширази своим творчеством не оставил равнодушным С.Есенина, после знакомства с известной газелью классика, он по своему представил турчанку:

*«Ну, а этой за движенье стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковёр ширазский подарю»* [4, 15].

Есенин за красоту девушки готов подарить ей шаль и ширазский ковер, подобно Хафизу, за индийскую родинку красавицы готов отдать то, чем не владеет.

А теперь рассмотрим второй пример: стихотворение из персидских мотивов С. Есенина, в котором рефрен способ, который очень похож на роль радифа в персидской газели:

*«Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.
Воздух чистый и голубой.
Я пойду в цветочную чащу»* [4, 27].

Путешественник в уходящей лазури никогда не попадет в пустыню. Воздух чистый и голубой.

В этом стихотворении много повторений. Его движение основано на звуковой логике в его тонком взаимодействии с цветовым спектром, уникальным для Есенина. В то время как речитативное качество лирики присутствует во многих различных традициях, а рифмование в значительной степени характерно для мировой поэзии, этот рефрен напоминает некоторые персидские радифы, поскольку он повторяет целые слова (такие, как синий), а не группы звуков без семантического значения. Резонанс кобальтово-синего - специфического цвета, использованного в качестве рефрена в цитированных выше стихах - как в русской, так и в персидской поэтике, в каком контексте ассоциируется как с небом, так и с морем, усиливая связь.

В разделе втором второй главы – «Хафиз и литературное объединение «Гафизиты»» говорится о влиянии Хафиза на Л.

Бакста, К. Сомова, М. Кузмина, Н. Нувеля, Вяч. Иванова, А. Зиновьевой-Аннибал.

Поэзия персидско-таджикского классика оказалась настолько актуальной и притягательной для представителей русского творческого круга конца XIX–начала XX вв., что именно в этот период существовало общество, которое было создано в 1906 году в Петербурге и состоящее из поэтов и художников, чувствовавших свою близость с творчеством Хафиза. Общество называлось «Северный Хафиз» или «Хафизиты», в круг которого вошли такие знаменитые имена, как Л.Бакст, К.Сомов, М.Кузмин, Н.Нувель, Вячеслав Иванов, А. Зиновьева-Аннибал.

М. Кузмин, яркий представитель литературного кружка «Хафизитов», своими поэтическими произведениями, вошедшими в цикл «Венок весен» (1908), ввёл моду на газели Хафиза. Многие споры о таинственной и мистической восточной душе нашли отражение в стихотворении М. Кузмина «Друзьям Хафиза»:

*«Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.
Пусть демон не мутит, печалью хитрость строя,
Сомненьем, что всему настанет свой черед,
Пусть семеро, пусть пятеро, пусть четверо, пусть трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет» [24, 132].*

Строки Кузмина, о которых идёт речь, действительно отражают как его философские взгляды на творчество, так и принципы литературного кружка, к которому он принадлежал. Эти принципы не сводятся к количеству участников, а скорее акцентируют внимание на том, что важнее всего – это атмосфера, царящая в творческом кругу. Это сообщество создаётся на основе взаимного вдохновения, поиска красоты и истины, не подчиняясь строгим рамкам или количественным характеристикам. В этом контексте коллективная творческая энергия и взаимное обогащение идеями становятся основой их существования.

Для Михаила Кузмина Хафиз был не только образцом восточной литературы, он стремился приблизиться к его творчеству, писать газели, многие из которых были высокого уровня.

У другого представителя кружка «Хафизитов», В. Брюсова, были совершенно иные цели и задачи, когда он создавал персидские газели и четверостишия в 1913 году. Брюсов подражал газелям Хафиза, когда сочинял свои стихотворения «Сны человечества» и «Лирические размышления мировой истории». Поэт задумывался над тем, что эти поэтические произведения могли стать частью его грандиозной идеи создания антологии мировой поэзии «Сны человечества». Брюсов старался воспроизвести на русском языке лирические формы всех стран и народов. Созданные им образцы восточной поэзии можно рассматривать как пример тонкого и изящного освоения восточного мира.

И. Северянин, Вячеслав Иванов, Г. Иванов и другие русские поэты также проявляли интерес к поиску своей собственной интерпретации и понимания рода газелей.

Представители кружка «Северный Хафиз» в классике персидско-таджикской литературы видели поэта небесной чистоты, мистагога и учителя, наделённого мудростью, обладающего величайшим талантом, способного вдохновлять человека на поступки. Он воспекает земные наслаждения и красоту, он наставник молодости и певец любви. Он пробуждает в слушателях прекрасные чувства.

Раздел третий второй главы – «Восприятие поэзии Хафиза Ширази в советский период» связана с изменением восприятия лирики Хафиза. Раздел, описанный нами, представляет значимую часть истории восприятия литературного наследия Хафиза Ширази в контексте советского периода. Значительно, что в эту эпоху началось систематическое научное изучение творчества поэта, и это привело к публикации ряда ключевых работ, которые открыли новые перспективы для исследования его поэзии.

Прежде всего, упоминается заслуга академика Абдулгани Мирзоева и его первой научной статьи о Хафизе Ширази, а затем появление предисловий к изданиям его стихов от других выдающихся ученых-ориенталистов. Эти работы стали отправной точкой для последующих исследований и изучения тематики и стиля Хафиза.

Кроме того, ваш текст отмечает, что в настоящее время интерес к влиянию газелей Хафиза на современную литературу сохраняется, и этой теме посвящено множество статей и монографий, что свидетельствует о актуальности исследований в этой области.

И, наконец, выделено значение Мирзо Турсунзаде как личности, которая внесла существенный вклад не только в олицетворение исторической и культурной судьбы таджикской нации, но также и в изучение и сохранение духовных и художественных ценностей, в том числе и поэзии Хафиза.

Этот раздел отражает важность систематического изучения творчества Хафиза Ширази как части культурного наследия и его влияния на литературу разных эпох и народов, что придает ему высокую академическую и культурную ценность.

Хафиз восхищает и вдохновляет своим творчеством многих современных поэтов Таджикистана, следующий, великий поэт современного Таджикистана, по-настоящему творец и гений своего дела Лоик Шерали в своих стихотворениях признал Хафиза и Хайяма своими наставниками.

Следующий великий поэт таджикского народа, который так же, как его предшественники, брал духовный и вдохновляющий урок у своих предков в сфере поэзии, это Хабибулло Файзулло, который внес множество новшеств в таджикскую поэзию, оставив заметный след в художественной разработке таких тем, как воспевание Родины, познание и почитание её святынь, исторических и культурных национальных ценностей, а также пропаганда идей гуманизма. Его поэзия создана как в традиционных формах, таких как газели, касыды, мусамматы, месневи, рубай, двустишия, так и в новых поэтических формах, таких как четверостишия и свободный аруз.

Статья исследователя А. Кодирова, вошедшая в сборник «Некоторые философские мысли в поэзии Хафиза», фокусируется на исследовании газелей Хафиза с точки зрения философии, нигилизма, антирелигиозности и противоречивых мыслей, присущих тому времени.

В работе В. А. Капранова, посвященной лексическому аспекту творчества Хафиза, акцентируется внимание на структуре его газелей и использовании метафор. Также освещается влияние

поэзии Хафиза на произведения прозы Дж. Икромии и С. Айни, с осознанием его значимой роли в литературной истории Таджикистана.

Таджикские ученые, включая Вали Самада, в своих исследованиях рассматривают газели Хафиза в глобальном литературном контексте, анализируя переводы газелей Хафиза и раскрывая их значение и роль в мировой литературе. Статьи таких ученых, как «Хафиз и Пушкин» и «Газели Хафиза с точки зрения Толстого», раскрывают восприятие творчества Хафиза в русской литературе.

Шокир Мухтор, еще один таджикский ученый, исследует связи таджикско-персидской литературы с французской, освещая влияние таджикско-персидской литературы, включая творчество Хафиза, на французскую литературу и обсуждая историю популяризации газелей Хафиза в Европе.

Диссертация А. Худойдодова «Место газелей Хафиза в истории литературных связей таджикского и узбекского народов» представляет обзор о значении газелей Хафиза в узбекской литературе, подчеркивая их место и влияние в литературных связях между таджикским и узбекским народами.

В выводах к второй главе отмечено, что проблема восприятия поэзии Хафиза Ширази, знаменитого персидско-таджикского поэта, в русской литературе XX века - это интересная и актуальная тема. Поэзия Хафиза, написанная на персидском языке, привлекает внимание многих читателей по всему миру своей глубиной, эмоциональностью и универсальностью тем.

Возможно, отсутствие интереса к иранской литературе в русском обществе прошлого века, в том числе из-за культурного разрыва, могло оказать влияние на недостаточную известность произведений Хафиза на русском языке. Также русская поэтическая традиция имеет свои особенности в восприятии, которые не всегда совпадают с тем, что представлял Хафиз.

Советская эпоха принесла интенсивное научное изучение жизни и творчества Хафиза. В 1940-х годах в «Образцах таджикской литературы» была опубликована первая научная статья академика Абдулгани Мирзоева, ставшая отправной точкой в изучении творчества этого классика. В своей статье академик А.

Мирзоев обращает внимание на основные мотивы в поэзии Хафиза, включая мотивы любви, гуманности и преданности.

Исследования таджикских ученых, таких как Ш. Мухтор, В. Самад, Ш. Хусайнзаде, А. Кодиров и других, стали важным этапом в понимании влияния поэзии Хафиза на зарубежных поэтов. Они расширили наши знания о заимствовании элементов стиля Хафиза другими поэтами и новых художественных техниках, возникших в результате контакта с его творчеством. Эти исследования способствуют лучшему пониманию значения и ценности, заложенных в творчестве Хафиза, и его воздействия на различные поэтические традиции.

Таджикские ученые продолжают активные исследования в области влияния поэзии Хафиза и перевода его произведений на языки других стран, внося великий вклад в развитие литературы и понимание мировой поэзии. Их труды стали неотъемлемой частью богатого культурного наследия Таджикистана и являются источником вдохновения для поколений писателей и исследователей, которые продолжают изучать и анализировать творчество Хафиза и его влияние на поэзию многих народов.

Глава третья – «Особенности перевода газелей Хафиза Ширази на русский язык» раскрывается в трёх разделах. **Первый раздел третьей главы – «Жанровые особенности газели в персидско-таджикской литературе»** посвящен жанровым особенностям газели. Газель, как особый жанр восточной поэзии, имеет свои уникальные характеристики строения, которые влияют на её восприятие. Обычно газель состоит из пяти-семи двустиший, называемых «бейтами». Каждое двустишие формирует законченную мысль и часто не имеет явной связи с другими частями газели. Это отличает восточный стих от классического европейского стиха, где строки логически и тематически связаны между собой. В газелях такая структура не всегда очевидна для читателей, привыкших к поэзии Запада. Однако каждая газель, особенно если она создана опытным мастером, представляет собой неразрывное целое.

Второй раздел третьей главы называется ««Назира» (стихотворный ответ) на газели Хафиза». Под влиянием персидско-таджикской литературы жанр «назира» получил широкое распространение. Второй раздел, посвященный «Назира

(стихотворный ответ) на газели Хафиза», свидетельствует об этом. Газели Хафиза были популярны еще при жизни поэта, и, кроме переводов его стихов, было создано множество ответных стихотворений в жанре «назиры» на его газели. Современник Хафиза поэт Абуисхак Ширази одним из первых написал назиру на газель «Агар он турки шерози...»

*«Ба пешам чун хуросони гар ори сахни бугоро,
Ба бӯи қалъаяш «Бахшам Самарқанду Бухоро».
Биринчи зарду собуни агар дори, ғанимат дон
«Канори оби Рукнободу гулгашти Мусаллоро»
Чи орои ба мушки заърафон рухсори полуда,
«Ба обу рангу холу хат чи ҳочат рӯи зеборо?
Чамоли барраи бирёну ҳусни дунбаи кашкак
«Чунон бурданд сабр аз дил, ки туркон хони яғморо».*

[35, 89].

*Коль как хоросанец, ты явишь ты картину перегонки вина,
За исходящий от него запах отдам и Самарканд, и Бухару.
Коль у тебя есть рис золотой и мыло душистое, дорожи им
«Рядом с рекой Рукнабад и садами Мусалло».*

В XV веке многие поэты Гиратской литературной школы, в том числе Абдурахман Джами, выбрав из девяти бейтов газели Хафиза пять, написал на них свою назиру. Алишер Навои (Фони) среди всех поэтов, сочинявших газели больше всех почитал Хафиза, и, по свидетельству академика Абдулгани Мирзоева, подражая Хафизу, написал 554 газели, из которых 237 являются назирой. На написание одной повлияла именно газель «Агар он турки шерози...»:

*«Гар он турки хитои нуш созад чоми сахборо,
Нахуст орад сӯи мо турктозӣ қатлу яғморо.
Рухаш дар нозуки бар бод дода сафҳаи гулро,
Қадаш дар чобуки бар хок монда сарви рағноро»* [35, 90].

Алишер Навои (Фони) акцентирует внимание на другом, что видно из нашего перевода:

*Если бы та красавица из Китая вкусила чащу вина
И впервые показала, как убийственно страстна.
Лик её в изяществе превосходит бутон цветка,
Стан её намного краше, чем любимая ловка.*

Здесь Фони очень красочно использует в своих стихотворных строках структуру хафизовской газели, добавляя новые образы и выражения. В последнем бейте своей назирь он приходит к выводу, что именно Хафиз достиг высокого уровня в написании газелей:

*«Ғазал гуфтан мусаллам шуд ба Ҳофиз, шояд, эй Фони,
Намои чошни дарюзи з-он назми ҷаҳоноро»* [35, 91].

Скромная попытка собственного перевода:

*Бесспорно, газели писать дано только Хафизу, может
быть,
И ты, Фони, удостоишься чести писать в подобном
стиле поэзии.*

В XVI-XVIII вв. газель «Агар он турки шерози...» при посредничестве таких известных таджикских, персидских, турецких и азербайджанских поэтов, как Мухаммад Фузули, Соиби Табрези, Сайидои Насафи, Шавкати Бухорои, Гании Кашмири, Низомии Хироти, Махмуда Гоиби и многих других стал еще популярнее. Сайидои Насафи с помощью газели «Ба гулшан чун барафрузад махи рухсори чун гулро» отшлифовал газель «Агар он турки шерози...» на свой лад.

В своей работе Вали Самад говорит о славе газели «Агар он турки шерози...» Хафиза в Европе и России, которая стала объектом подражаний, переводов, заимствований, ответов у поэтов многих народов. Только в России XVII-XX веков в русском переводе «Если эта турчанка из Ширази...» прозвучала более 150 раз в исполнении 150 поэтов! [35, 88]

Для европейского читателя строки Хафиза свидетельство силы любви, в то время когда большинство суфийских поэтов придерживаются мнения, что газель «Агар он турки шерози...» адресована самому всевышнему.

Под влиянием восточной, а точнее, таджикско-персидской, литературы в русской ориенталистике первой половины XIX века получает развитие жанр «назирь». Не явилась исключением и газель Хафиза Ширази «Если эта турчанка...», которая привлекла внимание и переводилась многими писателями и поэтами: И.В. Гете и фон Хаммер Пургшталь, В. Гюго, М.Д. Деларю и В.Н. Григорьев, М.Ю. Лермонтов и Д.П. Ознобишин. Современные переводы (например, Г.Плисецкого) продолжают эти традиции.

В третьем разделе третьей главы – «Разновидности переводов газелей Хафиза» обращено внимание на проблему перевода. Перевод представляет собой одну из форм языкового посредничества, включающую в себя реферирование, аннотирование, пересказ и резюме. Эти виды посредничества различаются по объему и форме передаваемой информации. Отличие перевода от сокращенного изложения, пересказа и подобных форм воспроизведения текста заключается в том, что перевод – это процесс воссоздания единства содержания и формы оригинала.

В зависимости от того, какую информацию переводчик стремится передать с максимальной точностью, существуют три принципиально разных метода перевода одного и того же поэтического произведения:

Стихотворный перевод: Этот метод подразумевает передачу фактуальной информации оригинала на языке перевода не просто стихотворной, а лишь стихотворной речью. Такой вид перевода сохраняет близость к оригиналу в словах, выражениях и стиле, но при этом искажает концептуальную информацию и практически не передает эстетическую информацию.

Поэтический перевод: Этот метод представляет собой единственный способ перевода поэзии, направленный на собственно поэтическую коммуникацию. Он обеспечивает одновременную передачу двухъязычной смысловой (фактуальной и концептуальной) и многослойной эстетической информации, обеспечивая взаимодействие между автором и читателем через стихотворный текст.

Большое место в истории перевода занимает подстрочный перевод, этому вопросу посвящен **подраздел первый третьего раздела третьей главы – «Подстрочный перевод»**. Подстрочный перевод отражает содержание стихов, их образы, течение тех фраз, из которых эти стихи слагаются, и является более точным, чем стихотворный перевод. И все же, в прозаическом переводе мы видим только то, о чем вел речь поэт, но мы не слышим его голоса, не слышим ни одной струны его лиры. Это потому, что остаются нетронутыми наши эмоции, на которые поэзия воздействует только посредством своей формы.

В подразделе втором третьего раздела третьей главы – **«Вольный перевод»** мы рассмотрим вопрос, которому переводчики уделяют особое внимание – вольный перевод.

Исследователи ввели термин «вольный перевод», чтобы обозначить изменения, дополнения и трансформации, которые переводчики вносят в оригинальный текст. Однако они осознали, что этот термин не может полностью отразить суть процесса проникновения в иноязычный текст и его творческой переработки.

Исследователи обратили внимание на изменения слов, словосочетаний, строк и даже стихов в переводах Державина и Липкина. Они стремились понять причины и значения этих изменений.

В работе большинства переводчиков видна необходимость адаптации оригинала под целевую аудиторию, что может потребовать добавлений и сокращений. Религиозные, национальные и культурные различия также могут усложнять процесс перевода.

Чтобы точно передать смысл оригинала, переводчики часто прибегают к творческим изменениям, чтобы воспроизвести дух текста. Иногда это требует отступления от содержания оригинала.

Таким образом, можно сделать вывод, что вольный перевод, выполненный настоящим поэтом, обладающим божественным даром постижения иноязычного текста, имеет право на существование. Иногда такие вольности могут быть удачными и выглядеть точнее слабых художественных переводов. Попытка сохранить особенности образной системы и идейно-тематического содержания характерны художественному переводу, о чем сказано в подразделе третьем третьего раздела – **«Художественный перевод»**.

Художественным переводом называют вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом языке. При переводе произведений восточных авторов на русский язык следует учитывать ряд вопросов, и особенно эта проблема становится актуальной при переводе персидско-таджикской лирики.

В четвертом подразделе третьего раздела третьей главы под названием **«Филологический перевод»** основной упор делается на филологические переводы, или переводы-

исследования, которые в первую очередь адресованы специалистам, хотя также привлекают внимание тех читателей, которые интересуются тем, что и как на самом деле говорил автор оригинала. Такие переводы, к сожалению, представлены в меньшем количестве, их обычно выполняют профессиональные филологи и переводчики, владеющие языком оригинала. Эти переводы, как правило, сопровождаются комментариями, которые способствуют более точному пониманию и восприятию оригинала.

Именно ритмическую структуру газелей Хафиза многие исследователи считают важнейшей особенностью поэтического перевода и ее необходимо по возможности точно воссоздать в переводе. В основу газелей заложено понятие метра с канонической заданной схемы соотношения стоп, их характера и количества, независимой от конкретных ритмических вариаций.

Опираясь на работы Н.Ю. Чалисовой, М.Л. Рейснер, Н.И. Пригариной, М.А. Русановой в вопросе преобладания суфийских мотивов и символов в газелях Хафиза, мы солидарны с иранскими и российскими учёными об ином прочтении и переводе произведений персидско-таджикской классики. Необходимо сопровождать каждый перевод газелей комментариями об образах и значениях, толкованием бейтов. Таким образом, в современном хафизоведении, исследовании степени адекватности перевода его произведений и иного прочтения его газелей остро встаёт вопрос о необходимости филологического перевода.

Выводы к третьей главе следующие:

Результаты исследований ученых ориенталистов играют важную роль в понимании проблемы перевода и влияния поэзии Хафиза на зарубежную литературу. Эти исследования помогли расширить знания о том, какие элементы поэтического стиля Хафиза были заимствованы и переняты другими поэтами, а также выявить новые художественные техники, возникшие в результате контакта с его творчеством. Подобные исследования помогают ученым и поэтам по всему миру глубже понять мотивы и ценности, заложенные в творчестве Хафиза, а также его влияние на различные поэтические традиции.

Таджикские ученые продолжают активные исследования в области влияния поэзии Хафиза и перевода его произведений на языки других стран. Их вклад в развитие литературы и понимание

мировой поэзии велик, и их труды стали неотъемлемой частью культурного наследия Таджикистана. Результаты их исследований продолжают служить источником вдохновения для нового поколения писателей и исследователей литературы, которые продолжают изучать и анализировать творчество Хафиза и его влияние на поэзию разных народов.

Возможно, одной из причин сложности восприятия поэзии Хафиза на русском языке является культурный разрыв и недостаточный интерес к персидско-таджикской литературе в российском обществе прошлого века. Возможно, также отсутствовало достаточное количество переводов работ Хафиза на русский язык, и эти переводы не были широко известны читателям. Необходимо также учитывать, что русская поэтическая традиция имеет свои особенности и привычки восприятия, которые могли не совпадать с тем, что предполагал Хафиз. Переводчики сталкиваются с вызовом передачи полноты смысла и красоты оригинального текста, сохраняя его изысканность и интригу. Не всегда удается передать на русский язык все тонкости и оттенки, которые делают поэзию Хафиза привлекательной и многогранной, и это сталкивается с трудностями для поэтов-переводчиков при работе с поэзией Хафиза Ширази.

ВЫВОДЫ

На основании проведённого исследования и рассмотрения ключевых аспектов темы, мы пришли к ряду обоснованных выводов, которые представлены ниже:

1. Газели Хафиза Ширази имели огромную популярность в различных регионах, включая Иран, Среднюю Азию, Ирак, Кавказ, Индию, Китай, Россию и Францию. Эти произведения не только изучались, но и восхищали многих поэтов и писателей, таких как Пушкин, Толстой, Гюго, Гёте и многие другие. Причины этой широкой популярности различны, но все они сводятся к удивительному воздействию слов Хафиза, что подтверждают востоковеды и хафизоведы [1-А; 4-А; 11-А; 12-А; 18-А; 19-А].

2. Д.П. Ознобишин, сторонник научного подхода к восточной культуре, внес свой вклад в распространение восточной тематики в русской литературе, обращая внимание на

эпикурейские мотивы и восхищаясь любовью и весельем в газелях Хафиза, стремясь сохранить звучание оригинала, но адаптировать его к русскому языку [14-А].

3. Афанасий Фет, известный романтик, также внес свой вклад, переводя газели Хафиза через работы немецкого поэта Георга Даумера. Благодаря таким усилиям, газели стали важной частью русской поэтики [6-А; 8-А; 10-А].

4. Н. Гумилев видел в Хафизе поэта небесной чистоты, обладателя Языка Чудес, который воспекает земные радости и красоту, является наставником молодежи и певцом любви. Этот восточный поэт стал объектом восхищения и вдохновения для многих известных литераторов [4-А].

5. Таджикские литературоведы внесли значительный вклад в изучение классического письменного наследия на фарси и в рассмотрение вопросов взаимосвязи культуры и литературы ираноязычных и тюркоязычных народов. Работы таких ученых, как С. Айни, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, А.Мирзоев, Р. Хализаде, А. Афсахзод, Вали Самад, А. Сайфуллоев, Э. Шодиев, С. Вохиадв, Г. Саломов, Н. Камилов, Х. Хамилов, а также исследования Р. Мусулмонкулова, З.Г. Османовой и других, включают в себя значительные достижения в исследовании русско-таджикских литературных связей, взаимовлияния, взаимодействия и взаимообогащения литератур [7-А].

6. Влияние таджикско-персидской литературы на русскую ориенталистику XIX века проявляется, в частности, в жанре «назиры» - стихотворных ответах на строки из персидско-таджикской классики. Газель Хафиза «Если эта турчанка...» также привлекла внимание русских писателей и поэтов, в том числе И.В. Гёте, фон Хаммера Пургшталь, В. Гюго, М.Д. Деларю и В.Н. Григорьева. Переводы этой газели различны, и каждый из них представляет собой собственную интерпретацию оригинала [3-А].

7. Изучив вопрос переводов газелей Хафиза с персидского на русский язык, можно сделать вывод, что этот процесс не только способствует расширению и углублению знаний о другой культурной и литературной традиции, но и предоставляет русскоязычным читателям уникальную возможность прикоснуться к шедеврам персидской поэзии. Однако, несмотря на давнюю и устоявшуюся традицию перевода и интеграцию персидско-

таджикской литературы в русскую культуру, важно отметить, что многие переводы Хафиза на русский язык не могут в полной мере удовлетворить тех, кто владеет как русским, так и персидским языком [9-А].

8. Поэзия Хафиза Ширази оказала глубокое влияние на мировую литературу, и его газели были переведены и изданы в различных странах, таких как Индия, Аравия, Турция, Азербайджан, Средняя Азия, Россия, Германия, Англия и других. Эти переводы способствовали распространению творчества великого поэта, и его произведения стали источником вдохновения для множества поэтов и писателей. Классики персидско-таджикской литературы, такие как Камал Худжанди, Бехзад Хилоли, Алишер Навои, Джами и другие, черпали вдохновение в газелях Хафиза, подражая ему и продолжая его традицию в своей собственной поэзии [2-А; 5-А].

9. Важным аспектом исследования стал анализ жанровых заимствований: русские поэты не только переводили газели, но и создавали собственные стихотворения в этой форме, а также писали «назиры» – поэтические ответы на строки Хафиза. Сравнение разных типов переводов (подстрочных, вольных, художественных и филологических) выявило как трудности передачи персидской поэтики на русский язык, так и творческие находки переводчиков, стремившихся сохранить дух оригинала [13-А].

10. Исследование, посвящённое переводу газелей Хафиза Ширази на русский язык, позволило раскрыть ключевые аспекты взаимодействия персидской и русской литературных традиций. Хафиз, чьё творчество стало символом восточной поэзии, представляет собой уникальный вызов для переводчика: его газели сочетают формальную строгость жанра с глубиной философского содержания, суфийской символикой и игрой смыслов. В ходе работы было установлено, что передача этих особенностей на русский язык требует не только лингвистической точности, но и глубокого понимания культурного, исторического и религиозного контекстов [14-А].

11. Анализ переводов показал, что русские интерпретации газелей Хафиза развивались в нескольких направлениях. С одной стороны, существовали попытки максимально близкого

воспроизведения формы и содержания (подстрочные и филологические переводы), с другой – свободные интерпретации, в которых переводчики, подобно поэтам-назира, создавали новые художественные версии, адаптируя восточные образы к русской поэтике. Особую сложность представляла передача многозначности хафизовских метафор, таких как «вино», «возлюбленная», «соловей и роза», которые в суфийской традиции обретают мистическое звучание [15-А; 16-А; 17-А].

12. Важным выводом исследования стало осознание того, что ни один из существующих методов перевода не может считаться универсальным. Подстрочник сохраняет фактологическую точность, но теряет поэтичность; вольный перевод обогащает текст новыми смыслами, но рискует отдалиться от оригинала; художественный перевод стремится к балансу, однако неизбежно подвергается влиянию субъективного восприятия переводчика. Наиболее перспективным представляется комплексный подход, сочетающий филологическую строгость с поэтической выразительностью, а также сопровождающий перевод подробными комментариями, раскрывающими культурные и религиозные аллюзии [12-А; 13-А].

13. Несмотря на все усилия переводчиков, многие нюансы оригинала неизбежно теряются в процессе перевода, что делает невозможным полное воспроизведение той мистической и эмоциональной глубины, которая характерна для оригинальных стихов Хафиза. Эти газели, полные символов, аллегорий и культурных отсылок, обретают иной смысл и восприятие в переводах, что неизбежно сказывается на их восприятии читателем.

Таким образом, перевод Хафиза на русский язык остаётся сложной и многогранной задачей, требующей тщательного подхода и внимательности, чтобы передать всю силу и красоту его поэзии. Не только восточные поэты, но и европейские литераторы и мыслители черпали вдохновение из поэзии и мыслей Хафиза, видя в них ценный источник мудрости и вдохновения. Слава «Дивана» Хафиза распространилась за пределы Ирана, оказывая влияние как на Востоке, так и на Западе, и стала одним из величайших произведений мировой литературы [13-А; 14-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

- На основе проведенного исследования практическое использование его результатов видится в нескольких ключевых направлениях, прежде всего в сфере образования и просветительской деятельности. Материалы и выводы диссертации могут стать основой для разработки новых и модернизации существующих учебных курсов по сравнительному литературоведению, истории русской литературы XIX – начала XX веков, теории и практике художественного перевода для филологических факультетов вузов. В частности, целесообразно создать специальный курс или цикл семинаров «Русско-восточные литературные связи: рецепция поэзии Хафиза Ширази», который будет полезен как студентам-русистам, так и востоковедам. На его базе могут быть разработаны учебно-методические пособия и хрестоматии, включающие как оригинальные тексты газелей Хафиза, так и их разнообразные переводы и переложения, что позволит студентам наглядно изучать эволюцию переводческих стратегий. Кроме того, выводы работы о специфике жанра газели и практике создания «назир» (стихотворных ответов) применимы в преподавании дисциплин, связанных с теорией жанров и межкультурной коммуникацией, развивая у учащихся навыки сравнительного анализа и понимания культурных кодов.

- Во-вторых, исследование имеет непосредственное практическое значение для современной переводческой деятельности. Проведенный анализ удачных и проблемных аспектов различных типов переводов (подстрочных, вольных, художественных, филологических) служит ценным ориентиром для переводчиков, работающих с восточной поэзией. Сформулированный в работе вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего филологическую точность с поэтической выразительностью и обязательно сопровождаемого культурологическими и историко-литературными комментариями, может быть взят за основу при подготовке новых научно выверенных, но при этом художественно полноценных переводов газелей Хафиза и других персидско-таджикских классиков. Это особенно актуально для издательских проектов, направленных на

знакомство русскоязычного читателя с подлинными шедеврами восточной литературы, свободными от излишней экзотизации или упрощения.

- В-третьих, результаты диссертации могут быть использованы в культурно-просветительской работе: при организации выставок, литературных вечеров, лекций, посвященных диалогу культур России и Востока. Материалы о литературном кружке «Хафизиты» и влиянии восточной поэтики на творчество Пушкина, Фета, Гумилева, Есенина представляют значительный интерес для широкой аудитории, способствуя углублению понимания русской классики в ее международном контексте. Это позволяет преодолевать культурные стереотипы и демонстрировать глубокую взаимосвязь литературных традиций. Таким образом, практическая значимость исследования заключается в его способности обогатить образовательные программы, усовершенствовать подходы к художественному переводу и активизировать культурный диалог между Россией и странами Востока, опираясь на детальный анализ многовековой традиции освоения творчества Хафиза Ширази в русской литературной среде.

- Исследование также способствует развитию диалога культур между Востоком и Западом, демонстрируя глубокие литературные взаимосвязи и взаимовлияния. Это делает его актуальным для межкультурных и гуманитарных проектов, в том числе в рамках международных инициатив. Кроме того, представленная работа может быть положена в основу подготовки новых изданий произведений Хафиза с параллельным переводом, научными комментариями и адаптацией как для специалистов, так и для широкой аудитории. Также материалы исследования могут быть применены в рамках цифровых гуманитарных проектов, направленных на создание электронных библиотек, образовательных платформ и мультимедийных ресурсов по восточной литературе и поэтике.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ СОИСКАТЕЛЯ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ

I. В рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

- [1-А]. Дилрабои, О. К истории перевода одной газели [Текст] / Б.Р. Рахманов, О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2017. – №4/5. – С. 220-224.
- [2-А]. Дилрабои, О. Особенности влияния творчества Хафиза на современную таджикскую поэзию [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №8. – С. 267-270.
- [3-А]. Дилрабои, О. Хафиз Ширази и кружок «Северный Хафиз» [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №8. – С. 391-397.
- [4-А]. Дилрабои, О. К проблеме освоения Хафиза Ширази в русской литературе [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №3. – С. 261-267.
- [5-А]. Дилрабои, О. Влияния творчества Хафиза в современной таджикской поэзии [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №4. – С. 229-234.
- [6-А]. Дилрабои, О. Мотив соловья и розы в интерпретации А.А. Фета [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №5. – С. 237-243.

II. В других сборниках и журналах:

- [7-А]. Дилрабои, О. Особенности влияния творчества Хафиза в поэзию Лоика Шерали [Текст] / О. Дилрабо // Российско-Таджикский (славянский) университет. Сборник статей. – Душанбе, 2019. – С. 106-109.

- [8-А]. Дилрабои, О. «Чистое искусство» в лирике А. Фета [Текст] / О. Дилрабо // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях» (Душанбе, 5 февраля 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 162-167.
- [9-А]. Дилрабои, О. Особенности подстрочных переводов некоторых газелей Хафиза Ширази на русский язык [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкознания и литературоведения в современном времени» (Душанбе, 23 декабря 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 32-34.
- [10-А]. Дилрабои, О. Хафиз в творческом сознании А.А. Фета (проблемы восприятия) [Текст] / О. Дилрабо // Материалы научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой «Годам развития промышленности (2022-2026)» и «Чествованию Мавлоно Джалолидина Балхи». – Душанбе, 2022. – С. 143-147.
- [11-А]. Дилрабои, О. Газель – одна из основных форм персидско-таджикской литературы [Текст] / О. Дилрабо // Материалы республиканской научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях», посвященной Году русского языка (Душанбе, 7 февраля 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 60-66.
- [12-А]. Дилрабои, О. Идеино-художественное содержание газелей Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной студенческой научно-практической конференции ФГБОУ ВПО «Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова» (Магнитогорск, 28-31 марта 2023 г.). – Магнитогорск, 2023. – С. 332-334.
- [13-А]. Дилрабои, О. Мотив ветра (сабо) в творчестве Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы III научно-практической конференции молодых ученых Таджикского национального университета, посвященной «Дню молодёжи Таджикистана» и «Двадцатилетию изучения и развития естественных, точных и

- математических наук (2020-2040 гг.)). – Душанбе: ТНУ, 2023. – С. 100-102.
- [14-A]. Дилрабои, О. Особенности перевода некоторых газелей Хафиза на русский язык [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в странах СНГ (Душанбе, 8-9 ноября 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 373-375.
- [15-A]. Дилрабои, О. Использование символизма и метафор в газелях Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «Наука и образование: тенденции развития в условиях информационного общества», посвящённой 75-летию Таджикского национального университета. – Душанбе, 2023. – С. 508-511.
- [16-A]. Дилрабои, О. Мотив вина и любви в некоторых газелях Хафиза [Текст] / О. Дилрабо // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка и литературы» (Худжанд, 27-28 октября 2023 г.). – Худжанд, 2023. – С. 327-374.
- [17-A]. Дилрабои, О. Искусство и мистика в газелях Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы апрельской конференции профессорско-преподавательского состава сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой 30-летию Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2024. – С. 431-435.
- [18-A]. Дилрабои, О. Мотивы поэзии Хафиза Ширази в творчестве С. Есенина [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и перевода». – Душанбе, 2024. – С. 68-71.
- [19-A]. Дилрабои, О. Влияние поэзии Хафиза Ширази на творчество Сергея Есенина: мотивы любви, природы и духовности [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «XXVI Кирилло-Мефодиевские чтения» (22 мая 2025 г.). – Москва: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2025. – С. 352-355.

ДОНИШГОҶИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН

Бо ҳуқуқи дастнавис

ВБД: 891.550 (09) (83.3 (2Т))

ДИЛРАБОИ ОДИЛХОҶА

**ҲОФИЗИ ШЕРОЗӢ ДАР ЗАМИНАИ РОБИТАҲОИ АДАБИИ
РУСУ ШАРҚ (МАСОИЛИ ДАРҚ ВА ТАРҶУМА)**

АВТОРЕФЕРАТИ

диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмӣ доктори фалсафа
(PhD) – доктор аз рӯйи ихтисоси 6D021400 – Адабиётшиносӣ
(6D021402 – Таърихи адабиёт, равобити адабӣ)

ДУШАНБЕ – 2026

Таҳқиқи диссертационӣ дар кафедраи адабиёти ҷаҳони Донишгоҳи миллии Тоҷикистон ба анҷом расидааст.

Рохбари илмӣ: **Раҳмонов Бахтиёр Рӯзикулович** — доктори илмҳои филологӣ, мудири кафедраи адабиёти ҷаҳони Муассисаи таълимии байнидавлатии маълумоти олии «Донишгоҳи (Славянӣ) Россия ва Тоҷикистон».

Муқарризони расмӣ: **Исрофилниё Шарифмурод Раҳимзода** — доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи назария ва таърихи адабиёти Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода;

Кувватзода Саломат Мусо — номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи адабиёти рус ва ҷаҳони Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни.

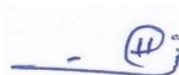
Муассисаи пешбар: **Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон.**

Ҳимояи диссертатсия «16» апрели соли 2026, соати 13:00 дар маҷлиси шурои диссертационии 6D.KOA-020-и назди Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (суроға: шаҳри Душанбе, Буни Ҳисорак, бинои таълимии №10, толорҳои шурои олимони факултети филология; e-mail: ilhom-b.89@mail.ru; телефон: (+992) 555-05-15-50) баргузор мегардад.

Бо диссертатсия дар китобхонаи марказии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17) ва тавассути сомонаи www.tnu.tj шинос шудан мумкин аст.

Автореферат рӯзи «___» _____ соли 2026 фириастода шудааст.

Котиби илмӣ
шурои диссертационӣ,
номзади илмҳои филологӣ

 Бобомаллаев И. Ҷ.

МУҚАДДИМА

Мубрамии мавзуи таҳқиқ. Таваҷҷуҳ ба фарҳанги ғанию қадимаи Шарқ яке аз анъанаҳои устувори адабиёти классикии рус ба ҳисоб меравад. Таърихи робитаҳои Русия ва Шарқ садсолаҳо идома дошта, ҳамгироии фарҳангии ин ду тамаддун бо таҳаввулоти мураккаб ва пурмуаммо сураат гирифтааст. Муносибатҳои фарҳангӣ, бо вучуди ҳаводиси таърихӣ, дар бахшҳои фолклор, адабиёт, забон ва ба расму ойину суннатҳо ва арзишҳои фарҳангии русӣ таъсири амиқ гузоштаанд. Омӯзиши вежагиҳои зуҳури унсурҳои шарқӣ дар адабиёти рус, таҳлили рушди ин раванд ва таъини нақши эҷодиёти шахсиятҳои барҷастаи адабию фарҳанги шарқӣ яке аз масъалаҳои муҳим ва мубрами адабиётшиносии муқоисавӣ маҳсуб мегардад.

Чараёни умумии рушди таърихӣ ва ҷаҳонишавии тамаддунҳо робитаҳои доимии фарҳангиро миёни халқҳои гуногун ба миён овард. Бисёре аз дostonҳои тамсилию афсонавӣ ва қаҳрамонӣ, ҳикматҳо ва лирикаи адабиёти форсӣ-тоҷикӣ, ки тавассути манбаъҳои ғарбӣ ба адабиёти рус ворид шудаанд, бо адабиёту муҳити фарҳангии рус омезиш ёфта, ба унсuri ҷудонашавандаи он табдил ёфтаанд. Аксари осори адабии форсӣ-тоҷикӣ бори аввал ба воситаи забонҳои Аврупои Ғарбӣ ба забони русӣ тарҷума гардидаанд, ки ин падида таъсири фарҳанги ғарбиро ба чараёни омӯзиш ва нашри ин мероси адабӣ таъкид мекунад. Мавзӯҳо ва сабкҳои шарқӣ дар адабиёти рус пайваста инъикосу пайравӣ ёфта, вобаста ба шароити таърихӣ ва иҷтимоӣ аҳаммияти гуногун касб намудаанд.

Имрӯз омӯзиши робитаҳои адабии байналмилалӣ ба яке аз самтҳои калидии таҳқиқот табдил ёфтааст. Ин соҳа бахши аъзामी адабиёти ҷаҳонро фаро гирифта, масъалаҳои гуногуни марбут ба адабиёт ва таъсири табодули фарҳангҳоро мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Новобаста аз дастовардҳои назаррас дар таҳқиқи равобити адабиёти рус ва Шарқ адабиётшиносӣ ҳанӯз ҳам роҳҳо ва вежагиҳои таъсири адабиёти русро ба адабиёти Шарқ пайгирӣ мекунад ва ин гуна мавзӯҳо ҳамчун масъалаи мубрам боқӣ мемонанд. Ин раванд ба он далели муҳим боқӣ мемонад, ки равобити адабиёти рус ва форсӣ-тоҷикӣ хеле қавӣ буда, то имрӯз аҳаммияти худро гум накардааст.

Дар ин замина муҳимтарин масъала таҳлили амики мушкилоти тарҷумаи ғазалҳои шоири классики форсу тоҷик – Ҳоҷа Шамсиддин Муҳаммад Ҳофиз Шерозӣ ба забони русӣ мебошад. Тарҷумаҳои ибтидоӣ, ки ба низомии тасвирӣ, хусусиятҳои забонӣ ва ангеҷаҳои миллӣ тавачҷӯх надоштанд ва ё ин масъалаҳо камтар мавриди тавачҷӯх қарор мегирифтанд, батадрич қойи худро ба тарҷумаҳои адабии рушдбанда ва баъдан ба тарҷумаҳои филологӣ бо тафсириҳои амиқу тавзеҳоти муфасссал доданд.

Дарачаи таҳқиқи мавзӯи илмӣ. Мавзӯи кори таҳқиқии мазкур як қатор қорҳои илмиро дар соҳаи филологияи тоҷику рус фаро мегирад, ки ба таҳқиқи робитаҳои адабии миёни Шарқ ва Русия, бахусус, ба шинохт ва тафсири осори Ҳофиз Шерозӣ бахшида шудаанд. Адабиётшиносону шарқшиносони маъруф, аз қабили А.Н. Веселовский [2], В.М. Жирмунский [6], Ҳ.Н. Брагинский [15], Н.И. Конрад [24], Г.А. Гуковский [18], М. Шукуров [46], Ш. Мухтор [45], В. Самад [35], Ш. Ҳусейнзода [42], Р.М. Сафиуллина [360] дар таҳқиқи масоили равобити адабӣ саҳми назаррас гузоштаанд.

Таҳқиқоте, ки ба таъсири ғазалиёти Ҳофиз дар адабиёти рус ва ҳамчунин, ба масъалаҳои ҳамгироии фарҳангии Шарқу Ғарб дар давраи романтизм бахшида шудаанд, дар муҳити илми адабиётшиносӣ қойгоҳи муҳимро ишғол мекунанд. Г.А. Гуковский дар асари худ «Пушкин ва романтикҳои рус» [18] масъалаи «услуби шарқӣ»-ро дар шеърӣи русӣ ба баррасӣ гирифта, таъкид мекунад, ки ин услуб берун аз ҷаҳорҷӯбаи миллию ҷуғрофӣӣ ва таърихӣ қарор дорад. Ў ин услубро ҳамчун услуби «рангоранг» ва «пушукӯх»-и лаззат, ормонҳои беинтиҳо, эҳсосоти пуришдат ва лаҳзаҳои ишрату озодӣ тасвир мекунад, ки ба романтизми шаҳрвандӣ ва фарҳангҳои ибтидоӣ хос аст [18, 258].

Дар таҳқиқоти Муҳаммадӣ Заҳро бо унвони «Пушкин ва Ҳофиз: ба масъалаи «услуби шарқӣ» [25] дар эҷодиёти Пушкин» таъсири осори Ҳофиз ба эҷодиёти Пушкин таҳлил шудааст. Муаллиф бар ин назар аст, ки рӯй овардани Пушкин ба шеърӣи Ҳофиз тавассути ҳамоҳангии баъзе бунмояҳои он ва бо анъанаҳои шеърӣи аврупоӣ имконпазир гардидааст. Ў таъкид мекунад, ки ин гуна бунмояҳо ба сохтори мавзӯӣ ва эстетикӣи элегияи романтикӣ мутобиқатдоранд ва ё ҳадди ақал муҳолифат намекунанд.

Инчунин, муаллиф аҳаммияти шеъри шарқиро дар ғанӣ гардонидани забони осори бадеии Пушкин қайд мекунад. Ба гуфтаи ӯ, мурочиат ба бунмояҳои Ҳофиз на танҳо диди зебоипарастии Пушкинро васеъ гардонд, балки ба шоири рус имкони баррасии мавзӯҳои умумибашарӣ – ишқ, андешаҳои фалсафӣ ва ягонагӣ бо табиатро фароҳам овард. Заҳро ишора мекунад, ки «услуги шарқӣ» дар осори Пушкин гоҳо ҳамчун таҷрибаи бадеӣ амал мекунад, ки дар он унсурҳои фарҳанги шарқӣ бо анъанаҳои романтикии аврупоӣ омехта шуда, омезиши вежаеро ба вуҷуд оварда, ба эҷодиёти ӯ хос аст.

Дар ин таҳқиқ ба таҳлили дарунмояи матн таваҷҷуҳи хос зоҳир мегардад ва дар он нишон дода мешавад, ки Пушкин чӣ гуна образҳо ва бунмояҳои шеърӣ ба шарқиро мутобиқ ба анъанаҳои адабиёти рус ва ҷаҳонбинии шоиронаи худ тағйир додааст [25].

Илова бар ин, омӯзиши ҷаҳони бадеии устодони шеъри классикӣ, аз ҷумла Фирдавсӣ, Умари Хайём, Ҷалолиддини Румӣ, Саъдӣ, Ҳофиз ва дар осори шарқшиносони рус, ба монанди Н.И. Пригарина [28], Н.Ю. Чалисова [43], М.А. Русанов [32] ва дигарон мавқеи устувор дорад.

Дар адабиётшиносии тоҷик ин равия аз миёнаи садаи XX ба таври ғаёб рушд кард. Дар ин замина, метавон ба қорҳои Ш. Мухтор ишора кард, ки масъалаи таҷассум ёфтани мафҳумҳои фалсафии ахлоқии ғазалиёти Ҳофизро дар заминаи адабиёти тоҷик таҳқиқ намудааст [45]. В. Самад дар тадқиқоти худ ба пайвандҳои дарунмояи матн ғазалиёти Ҳофиз ва шоирони Шарқу Русия, инчунин, нақши Ҳофиз дар ташаккули адабиёти тоҷик диққат додааст. Саҳми Ш. Ҳусейнзода низ назаррас буда, як қатор таҳқиқоти худро ба таҳқиқи забону ҷаҳони бадеии Ҳофиз ва қабули ӯ дар тафаккури башардӯстонаи даврони шуравияи пасошуравӣ бахшидааст [42].

А. Қодиров ва М. Шукуров ба омӯзиши суннати шеърӣ Ҳофиз дар заминаи робитаҳои адабии халқҳои тоҷику рус сахм гузошта, масъалаи мувофиқати тарҷумаи бадеӣ ва тағйири ҳаёти фарҳангиро дар раванди тарҷума мавриди баррасӣ қарор додаанд. Бояд ба таҳқиқоти Р.М. Сафиулина низ ишора кард [36], ки роҳҳои дохилшавии мероси адабии Шарқ, аз ҷумла ғазалиёти Ҳофизро ба ҳаёти адабию фарҳангии Русия дар охири садаи XIX ва аввали асри XX таҳлил намудааст.

Адабиётшиносони тоҷик, аз ҷумла Б. Ҳочибаева [41], М. Мирзоюнус [41] ва Т.М. Голтс [16] таъсири адабиёти классикии форсӣ-тоҷикро ба шаклгирии ҷаҳонбинии адибони рус, аз ҷумла Д.П. Ознобишин, А.С. Пушкин ва М.Ю. Лермонтов мавриди таҳқиқ қарор додаанд. Бо истифода аз усули муқоисавӣ-таърихӣ ва таҳлили осори дигар муҳаққиқон робитаи кавиеро миёни эҷодиёти А.С. Пушкин ва бунмояҳои адабиёти форсӣ, инчунин, тасвирҳои куръониро метавон ба мушоҳида гирифт. Намунаҳои аз осори шоир овардашуда, ки таҳти таъсири асарҳои Саъдӣ ва Ҳофиз навишта шудаанд, аҳамияти лирикаӣ шарқиро дар рушди адабиёти классикии рус собит менамоянд.

Робитаи таҳқиқ бо барномаҳо ва ё мавзӯҳои илмӣ. Таҳқиқи диссертатсионӣ ба самтҳои афзалиятноки адабиётшиносӣ, пеш аз ҳама, бо усулҳои муқоисавӣ-таърихӣ ва муқоисавӣ-типологии омӯзиши раванди байниадабӣ алоқаманд аст. Ин кор дар доираи масъалаи асосии илмӣ, ки ба муқолаҳои фарҳангии Ғарб ва Шарқ бахшида шудааст, анҷом ёфта, дар омӯзиши равишҳои пазиroy, табдил ва мутобиқсозии анъанаҳои бадеии Шарқ дар адабиёти рус саҳми мушаххас мегузорад.

Кори таҳқиқӣ бевосита бо нақшаҳо ва мавзӯҳои марказҳои илмӣ, ки ба омӯзиши робитаҳои байналмилалӣ адабӣ, таърихи тарҷума ва назарияи муоширати байнифарҳангӣ таҳассусдоранд, алоқаманд аст. Мундариҷаи он бо қорхое, ки аз ҷониби барномаҳои шарқшиносӣ дастгирӣ ёфта, ба таҳлили ҳамкориҳои адабиёти рус ва ҷаҳон нигаронида шудаанд, яққоя мебошад.

Ҷанбаҳои амалии кор, ки ба таҳлили дурнамои тарҷума ва масъалаи муодили бадеӣ алоқаманданд, барои рушди самти илмӣ-амалии «Тарҷумаи бадеии назми шарқӣ» аҳамияти махсусдоранд. Натиҷаҳои рисола метавонанд дар доираи мавзӯҳои илмӣ, ки ба эҷодиёти шахсиятҳои миёнарав (ба монанди И.В. Гёте, Ф. Рюккерт, Д.П. Ознобишин) бахшида шудаанд, инчунин, дар таҳқиқоте, ки ба қарзгирии жанрӣ (хусусан, ба сарнавишти ғазал дар назми русӣ) тамаркуз мекунанд, истифода шаванд.

ТАВСИФИ УМУМИИ ТАҲҚИҚ

Мақсади таҳқиқ баррасии эҷодиёти Ҳофизи Шерозӣ дар заминаи робитаҳои адабии русию шарқӣ мебошад. Махсусан,

муайян кардани нақши бунмояҳои лирикии ӯ дар осори шоирони рус дар давраҳои гуногуни таърихӣ, таҳлили мушкилоти ретсепсия (дарки маънавӣ ва бадеӣ) ва масоили тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз ба забони русӣ.

Вазифаҳои таҳқиқ. Вазифаҳои асосии таҳқиқ инҳоянд:

- муайян намудани нақши тарҷумонҳо ва шарқшиносони Ғарб дар интишори ашъори Ҳофиз дар Русия дар асрҳои XVIII-XIX;
- муайян намудани сатҳи таъсири тарҷумаҳои ғарбӣ, бахусус, нақши И.В. Гёте дар қабули ғазалиёти Ҳофиз аз ҷониби шоирони тарҷумони рус;
- таъини саҳми тарҷумонҳои руси асрҳои XIX-XX дар маъруфият пайдо кардани ғазалиёти Ҳофиз дар адабиёти рус;
- баррасии вежагиҳои асосии тарҷумаҳо ва арзёбии маҳорати тарҷумонҳои рус дар тарҷумаи ғазалиёти Ҳофиз;
- бо омӯзишу таҳлили илмӣ асоснок намудани аҳаммияти тарҷумаи ашъори Ҳофиз ба забони русӣ;
- муайян намудани сабабҳои шухрати осори Ҳофиз Шерозӣ ва таҳлили хусусиятҳои тафсири он.

Объекти таҳқиқ лирикаи русии асрҳои XIX-XX аст, ки бунмояҳои лирикии Ҳофизро дарбар гирифта, ба ин классики шарқӣ бахшида шудааст.

Предмети таҳқиқ тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз мебошад, ки дар давраҳои гуногуни таърихӣ ба забони русӣ ба анҷом расидаанд.

Асосҳои назарии таҳқиқ аз инҳо иборатанд:

– таҳқиқоти монографӣ доир ба робитаҳои адабии Н.И. Конрад «Ғарб ва Шарқ» [23], Ҳ. Шодикулов «Робитаҳои адабӣ ва тарҷума» [44], С.Л. Каганович «Романтизми рус ва Шарқ» [22], П.В. Алексеев «Ознобишин ва Ҳофиз» [11], М.В. Русакова «Адабиёти Русия ва Шарқ» [31], Б.Р. Раҳмонов «Масъалаҳои робитаҳои адабии русӣ-шарқӣ дар заминаи эҷодиёти В.А. Жуковский ва Д.П. Ознобишин» [30];

– таҳқиқоте, ки ба омӯзиши тарҷумаи ғазалиёти Ҳофиз ба забони русӣ бахшида шудаанд: Шокир Мухтор «Дар роҳи шинохти ғазалҳои Ҳофиз» [45], Валӣ Самад «Ғазали Ҳофиз аз

нуктаи назари Толстой» [34], А.С. Аминов «Масъалаи тарҷумани муодили шеърӣ бадеӣ» [12].

Махсусан, корҳои муҳаққикон, аз қабилӣ Ш. Ҳусейнзода [42], С. Табаров [39], Л. Гроссман [17], Е.А. Илюшин [20], Валӣ Самад [34; 35], Н. Чалисова [43], С.Л. Каганович [22], А. Афсаҳзод [13], М. Шукуров [46], З. Муллоҷонова [26], Ҳ. Шодикулов [44], А. Давронов [19], Ҳ. Холов [12], А. Аминов [12] А. Абдусатторов [10] М.С. Имомов [21] ва дигарон қобили зикр мебошанд. Асарҳои онҳо доираи васеи мавзӯҳоро, ки ба муносибатҳои адабӣ байни Тоҷикистон (форсу тоҷик) ва Русия алоқаманданд, фаро мегиранд. Дар таҳқиқоти онҳо ҷанбаҳои гуногуни таъсири унсурҳои фарҳангӣ, бунмояҳои шоирона ва мавзӯ ба осори адабӣ ва дарки назми Шарқ дар адабиёти рус баррасӣ мешаванд.

Ин муҳаққикон дар омӯзиш ва дарки робитаи анъанаҳои адабӣ байни ҷаҳоҳои фарҳангии рус ва тоҷик (форс) саҳми назаррас гузошта, ба густариши донишу фаҳмишҳо доир ба муносибатҳои ғаникунанда дар соҳаи адабиёт мусоидат кардаанд.

Асосҳои методологии таҳқиқро методҳои муқоисавӣ-таърихӣ, муқоисавӣ-типологӣ, таҳлилӣ, системавӣ, инчунин, усулҳои муқоисавӣ ва контекстуалии таҳлил мебошанд.

Сарчашмаҳои таҳқиқ. Асоси сарчашмаҳои таҳқиқи диссертатсиониро доираи васеи матнҳо ташкил додаанд, ки ба таври шартӣ ба якҷанд гурӯҳҳои калидӣ тақсим мешаванд.

Ҳамчун сарчашмаҳои асосӣ ашъори Ҳофизи Шерозӣ, яъне ғазалҳои асли бо забони форсӣ, инчунин, тарҷумаҳо ва тафсири онҳо ба забонҳои русӣ ва Аврупои Ғарбӣ (олмонӣ ва фаронсавӣ) хидмат намудаанд. Ба тарҷумаҳое, ки аз ҷониби шахсиятҳои асосии миёнарав, аз ҷумла Фридрих Рюккерт («Гулҳои шарқӣ», 1822) [57], Иоганн Вольфганг фон Гёте («Девони ғарбӣ-шарқӣ», 1819) [53], ҳамчунин, ба тарҷумаҳо ва бозгӯйиҳои шоирон ва мутарҷимони руси асрҳои XIX-XX, аз қабилӣ Д.П. Ознобишин [48], А.А. Фет (таваассути бозгӯйиҳои Г.Ф. Даумер) [7], Н.С. Гумилёв [3] ва дигарон анҷом ёфтаанд, таваҷҷуҳи махсус зоҳир шудааст.

Гурӯҳи дувуми сарчашмаҳоро лирикаи русии асрҳои XIX-XX ташкил медиҳанд, ки дорои ёдовариҳо, бунмояҳо ва ҷавобҳои шеърӣ (назира) ба эҷодиёти Ҳофиз, инчунин, матнҳое мебошанд, ки ба шоири тоҷику форс бахшида шудаанд. Ба инҳо асарҳои А.С.

Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.И. Подольский, Ф.В. Булгарин дохил мешаванд.

«Гуруҳи муҳимми манбаъҳо» далелҳои таърихӣ-фарҳангӣ ва адабӣ мебошанд, ки ба пайгирии роҳҳои воридшавии бунмояҳои шарқӣ ба адабиёти рус имкон додаанд. Ба инҳо асарҳои шарқшиносони аврупоӣ ва сайёҳон: «Сафар ба Мусковия ва Форс»-и Одам Олеарий [56], тарҷумаҳои Андре де Риё [52], асари муҳимми Бартелеми д'Эрбело «Китобхонаи Шарқ» [49], инчунин, антологияҳо ва таҳқиқоти Йозеф фон Ҳаммер-Пургштал [54] дохил мешаванд.

«Асоси назарӣ-методологии» таҳқиқро асарҳои бунёдии олимони ватанӣ ва хориҷӣ дар соҳаи адабиётшиносии муқоисавӣ, назарияи тарҷума ва таърихи шарқшиносӣ, ки дар баҳши дахлдори автореферат нишон дода шудаанд, ташкил медиҳанд. Ҳангоми муқоисаи асарҳои асли ва тафсири онҳо, хусусиятҳои дарк ва тарҷумаи ғазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ дар шарқшиносии аврупоӣ ва русӣ муайян карда шудаанд.

Навгони илмӣ таҳқиқ дар он зоҳир мегарданд, ки бори аввал дар адабиётшиносии ватанӣ таҳлили низомманд ва муқаммалӣ ретсепсия (қабули ангеа)-и мероси адабии шоири классики форс – Ҳофизӣ Шерозӣ дар адабиёти рус ва амалияи тарҷума анҷом дода шудааст. Ин равиш имкон фароҳам меорад, ки вежагиҳои дарки анъанаи адабии Шарқ дар фазои фарҳангии аврупоӣ ва русӣ ошкору муайян карда шаванд.

Дар ин кори таҳқиқӣ бори аввал дараҷаи талабот ва табиқабии ангеаҳои шарқӣ дар эҷодиёти шоирон ва мутарҷимони рус баррасӣ гардида, ҳамчунин, нақши онҳо дар ташаккули симои адабии Ҳофиз дар адабиёти рус муайян карда шудааст. Дар заминаи таҳлили муқоисавии матнҳои аслии ғазалҳои Ҳофиз ва бозгӯиҳои шоирони рус хусусиятҳои тафсир, мутобиқсозӣ ва бозандешии поэтикаи матни асл, ки бо тафовутҳои анъанаҳои зебоишиносӣ, фарҳангӣ ва шеърӣ вобастаанд, ошкор ва низомманд гардонида шудаанд. Инчунин, бори аввал вежагиҳои фарқкунандаи қабули бунмояҳои аврупоӣ ва русии ғазалҳои Ҳофиз мушаххас гардида, ин амал имкон дод, ки хусусияти рушдкунандаи фаъолияти тарҷумонӣ, интиқоли низоми образию рамзӣ, созмони метроритмӣ ва муҳтавои фалсафӣ-ирфонӣ матни асл муайян карда шаванд.

Нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Шиносоии хонандагони рус бо адабиёти классикии форсӣ-тоҷикӣ, баҳусус, бо мероси адабии Ҳофизӣ Шерозӣ, пеш аз ҳама, ба шарофати осори шарқшиносони Аврупои Ғарбӣ (И. В. Гёте, А. Журден, Б. Дербело, Ф. Даумер, Ц. Норвид ва дигарон) сурат гирифтааст. Нахустин тарҷумаҳо (ё бозгӯйиҳо)-и ғазалҳои Ҳофиз ба забони русӣ на аз матни аслии форсӣ, балки тавассути забонҳои аврупоии ғарбӣ – олмонӣ ва фаронсавӣ анҷом дода шудаанд. Марҳилаи минбаъдаи рушди омӯзиши робитаҳои адабии Шарқ ва Ғарб бо фаъолияти нависандагону шарқшиносони рус (А. А. Бестужев-Марлинский, О. И. Сенковский, Д. П. Ознобишин, Н. В. Гогол), инчунин, бо эҷодиёти шоирони ибтидои асри XIX – В. А. Жуковский, А. И. Подолинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Д. П. Ознобишин алоқаманд аст, ки таваччуҳи онҳо ба Ҳофиз аз эстетикаи романтизм маншаъ мегирифт.

2. Таваччуҳи А. А. Фет ба эҷодиёти Ҳофизӣ Шерозӣ тавассути бозгӯйиҳои Ф. Даумер бо чустуҷӯи мавзӯҳо, андешаҳо, образҳо ва шаклҳои нави ифодаи фикри шоирона иртибот дошт. Минбаъд дар адабиёти рус симои Ҳофиз ҳамчун шоири ирфонӣ, суфӣ ва ҳаким ташаккул меёбад, ки дар пардаи асотир печида шудааст. Ин тасвир дар осори Ф. В. Булгарин ва Н. Гумилёв инъикос ёфтааст. Рӯ овардани С. Есенин ба эҷодиёти Ҳофиз бо коркарди масъалаҳои рамзшиносии ранг ва силсилаи мафҳумҳо тавзеҳ меёбад. Намояндагони чараёни ба истилоҳ «ҳофизиён» Ҳофизро ҳамчун шоири «покии осмонӣ», ситоишгари лаззатҳои заминӣ ва зебоии зиндагӣ, ҳамзамон, ҳамчун устои соҳибҳикмат дарк менамуданд.

3. Зери таъсири адабиёти Шарқ шоирони рус ба жанрҳои классикию суннатии форсӣ-тоҷикӣ, пеш аз ҳама, ба ғазал рӯ меоранд. Ғазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ густариши васеъ пайдо мекунанд, ки дар натиҷа, назира, яъне посухҳои шоирона ба мисраъҳои классикӣ, маъруф мегардад. Ҳамзамон, ба эҷодиёти Ҳофиз шоирони тоҷик (М. Турсунзода, Л. Шералӣ, Ҳ. Файзулло), инчунин, адабиётшиносони ватанӣ (А. Мирзоев, А. Н. Болдирев, Х. Мирзозода, Ш. Ҳусейнзода, В. Самад, Ш. Мухтор) рӯ меоранд, ки ин аз таваччуҳи пойдори илмӣ ва бадеӣ ба мероси ӯ шаҳодат медиҳад.

4. Тарчума ҳамчун яке аз муҳимтарин шаклҳои робитаҳои адабӣ баррасӣ мегардад. Бо сабабҳои субъективӣ ва объективӣ хонанда бо намудҳои гуногуни тарчума, аз ҷумла тарҷумаи таҳтуллафзӣ, озод, бадеӣ ва филологӣ сарувор мегарад. Масъалаи таносуби шакл ва мундариҷа дар тарҷумаҳои ғазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ ба забони русӣ дорои аҳамияти хос буда, ба тақмили назария ва амалияи тарҷумаи бадеӣ ва илми тарҷумашиносӣ мусоидат менамояд.

Аҳамияти назариявӣ ва амалии таҳқиқ. Аҳамияти назарии таҳқиқ дар дарки ҳамаҷонибаи масъалаҳои матраҳшаванда ва тарҷумаи ашъори Ҳофизӣ Шерозӣ дар заминаи равоҷи адабии русӣ-шарқӣ мебошад. Кор дараҷаю самти дарки хусусият ва шаклҳои пазирии адабиёти классикии Шарқро дар адабиёти руси асрҳои XVIII-XX васеъ намуда, хусусияти азхудкунии назми форсӣ-тоҷикиро бо мухтассоти эстетикӣ, фалсафӣ ва забонӣ ошкор мекунад. Таҳқиқ дарки тарҷумаи бадеиро ҳамчун шакли муоширати байнифарҳангӣ амиқтар намуда, хусусиятҳои типологии тафсири матнҳои шарқиро аз ҷониби шоирони тарҷумони рус ошкор менамояд.

Аҳамияти амалии таҳқиқ дар он аст, ки натиҷаҳои таҳқиқ метавонанд ҳангоми навиштани дастурҳои таълимӣ-методӣ, китобҳои дарсӣ ва хрестоматияҳо оид ба ғанҳои адабиётшиносӣ, ҳангоми хондани курсу семинарҳои махсус оид ба робитаҳои адабии Русия ва Шарқ, назария ва амалияи тарҷума, ҳангоми навиштани корҳои курсӣ, корҳои тахассусии хатм ва рисолаҳои магистрӣ дар факултетҳои гуманитарӣ истифода шаванд.

Мутобиқати диссертатсия ба шиносномаи ихтисоси илмӣ. Диссертатсия дар мавзӯи «Ҳофизӣ Шерозӣ дар заминаи робитаҳои адабии русӣ-шарқӣ (масоили дарк ва тарҷума)» барои дарёфти дараҷаи илмии доктори фалсафа (PhD) ба мавзӯ ва масъалаҳои таҳқиқии ихтисоси илмии 6D021402 – Таърихи адабиёт, робитаҳои адабӣ пурра мувофиқат мекунад.

Саҳми шахсии докталаби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқ. Муаллифи таҳқиқи диссертатсионӣ дар мисоли эҷодиёти шоирон ва нависандагони рус ба омӯзиш ва таҳқиқи таъсири анъанаҳои адабиёти форсӣ-тоҷикӣ ва махсусан, бунмояҳои шарқӣ ба адабиёти рус (дар мисоли эҷодиёти Ҳофизӣ Шерозӣ) машғул шудааст. Бо овардани намунаҳои тарҷума ва тафсири ғазалҳои

алоҳидаи адабиёти классикии Шарқ хусусият ва фарқиятҳои тарҷумаи жанри шарқиро ба забони русӣ ошкор шудааст.

Дар диссертатсия ва қорҳои нашршуда натиҷаҳои асосии таҳқиқи инъикос ёфтаанд.

Тасвир ва амалисозии натиҷаҳои диссертатсия. Ин диссертатсия қори ниҳии ҷустуҷӯҳои бисёрсола ва омӯзиши муаллифи қорҳои мавҷуда мебошад. Натиҷаҳои таҳқиқот дар семинарҳо ва конференсияҳои илмӣ муҳокима карда шуданд: конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи: «Масъалаҳои мубрами забоншиносӣ ва адабиётшиносӣ дар замони муосир» (Душанбе, 2022); конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи: «Забон ва адабиёти рус дар воқеиятҳои муосир», ки ба Соли забони русӣ бахшида шудааст (Душанбе, 2023); конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалии донишҷӯёни ФГБОУ ВПО «МГТУ» (Русия, 2023); конференсияи илмӣ-амалии олимони ҷавони ДМТ, ки ба «Рӯзи ҷавонони Тоҷикистон» ва «Бистсолаи омӯзиш ва рушди илмҳои табиӣ, дақиқ ва математикӣ (2020-2040)» бахшида шудааст (Душанбе, 2023); конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ, ки ба Соли забони русӣ дар кишварҳои ИДМ бахшида шудааст (Душанбе, 2023); конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи: «Илм ва маориф: тамоюлҳои рушд дар шароити ҷомеаи иттилоотӣ», ки ба «75-солагии таъсиси Донишгоҳи миллии Тоҷикистон» бахшида шудааст (Душанбе, 2023); конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи: «Масъалаҳои мубрами забоншиносӣ ва тарҷума» (Душанбе, 2024).

Диссертатсия дар ҷаласаи васеи кафедраи адабиёти ҷаҳонии факултети филологияи рус бо иштироки аъзои кафедраи таърихи адабиёти факултети филологияи тоҷики Донишгоҳи миллии Тоҷикистон муҳокима ва барои ҳимоя пешниҳод карда шуд (протоколи №11 аз 12 июни соли 2024).

Интишорот аз рӯйи мавзӯи диссертатсия. Мундариҷаи асосии таҳқиқи диссертатсионӣ дар 19 мақолаи муаллиф инъикос ёфтааст, ки 6-тои он дар маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷоп шуда, 13 мақола дар маҷмуаҳои конференсияҳои илмӣ байналмилалӣ ва ҷумҳуриявӣ нашр шудаанд. Мақолаҳое, ки дар

мачаллаҳои тақризшаванда нашр шудаанд, бевосита ба мавзуи кори таҳқиқӣ алоқаманданд.

Сохтор ва ҳаҷми диссертатсия. Таҳқиқи диссертатсионӣ аз муқаддима, се боб, 10 фасл, 4 зерфасл хулоса, тавсияҳо оид ба истифодаи амалии натиҷаҳои таҳқиқ, рӯйхати адабиёт ва наشري таълифоти илмӣ дар мавзуи диссертатсия иборат аст. Ҳаҷми умумии диссертатсия 178 саҳифаи чопи компютериро дар бар мегирад.

ҚИСМҲОИ АСОСИИ ТАҲҚИҚ (ФИШУРДА)

Дар муқаддима аҳаммияти интиҳоби мавзӯ, ҳадаф ва вазифаҳои таҳқиқот, навоарӣ, аҳаммияти назарию амалӣ, асосҳои методологии таҳқиқ ва нуктаҳои асосие, ки барои ҷимоя пешниҳод мешаванд, шарҳу тавзеҳ ёфтаанд.

Боби аввал – «Бунмояҳои ашъори Ҳофизӣ Шерозӣ ва шахсияти ӯ дар адабиёти асри XIX-и рус» аз ҷаҳор фасл иборат мебошад. Фасли аввал – «Заминаҳои асосии воридшавии бунмояҳои ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ ба адабиёти рус» ба баррасии ошноии адабиёти рус бо дастовардҳои маънавии адабиёту фарҳанги Шарқ бахшида шудааст.

Адабиёти форсӣ-тоҷикӣ ба забони форсӣ дар он сарзаминҳое ба вуҷуд омад, ки аслан макони сукунати эронӣни шарқӣ, аз ҷумла тоҷикон буд ва сипас, ба ҳудудҳои эронӣни ғарбӣ (форсҳо) густариш ёфт. Дар асрҳои VIII-XV адабиёти форсӣ барои мардуми Осиёи Марказӣ, ҳуди Эрон ва Озарбойҷон маълум гашт. Адабиёти форсӣ дар Ҳиндустон, Туркия, Қазқоз ва бархе минтақаҳои дигар низ шинохта шуда буд. Тибқи андешаи муҳаққиқон, адабиёти форсӣ-тоҷикӣ дар ҷаҳор минтақаи асосӣ густариш ёфт, ки ҳар кадом хусусиятҳои хоси худро доранд: 1. Қазқоз (Аррон, Шервон, Гурҷистон, Арманистон); 2. Осиёи Марказӣ (Хоразм, Бухоро, манотиқи ҳамшафати Хуросон, Фарғона, Балх, Ғазна); 3. Эрон (Ироқи Аҷам, соҳили Каспӣ, Форс, Ҳамадон, Систон); 4. Ҳинд [24, 255].

Адабиёти форсӣ-тоҷикӣ яке аз қадимтарин ва ғанитарин адабиёти ҷаҳон ба шумор меравад. Давраи классикии он бо эҷодиёти устодони бузурги шеърӣ форсӣ, аз ҷумла Рӯдакӣ, Фирдавӣ, Умари Хайём, Саъдӣ, Ҳофиз ва дигарон маъруф аст.

Дар адабиёти рус шинохти фарҳанги Шарқ бо ду роҳ сурат гирифтааст: мустақим (дар он Шарқ ҳамчун ҷузъи муҳимми фазои фарҳангии Русия баррасӣ мешуд) ва ғайримустақим (тавассути шарқшиносии аврупоӣ).

Дар соли 1815 маҷаллаи русии «Вестник Европы» («Аҳбори Аврупо») тарҷумаи мухтасари асари забоншинос ва шарқшиноси фаронсавӣ А. Журденро таҳти унвони «Дар бораи забони форсӣ ва адабиёти он» нашр намуд. Ин мақола ба таърихи адабиёти классикии форсӣ асос ёфта, дар асоси таҳқиқоти шарқшиносони аврупоӣ таҳия шудааст. Дар оғози мақола Журден хусусиятҳои шеърӣ форсиро, ки бо вежагиҳои забони форсӣ вобастаанд, шарҳ медиҳад. Ӯ забони форсиро «итолёии Осиё» номида, онро дорои «ширинӣ, латофат, ки гӯши шунавандаро бо ғасоҳаташ тасхир мекунад», мешуморад.

Журден адабиёти форсиро тавсиф намуда, таъкид мекунад, ки мардуми Шарқ бештар тамоюл ба тааҷҷубангезӣ доранд, на ба ғажмо будани гуфтор. Ӯ зикр намудааст, ки шеърӣ онҳо бо фаровонии ғояҳо, маҷозҳои ғайримуқаррарӣ, ташбеҳоти аҷиб ва ҳаёлот фарқ мекунад. Ба ақидаи ӯ, ғиноии тахайюли шоирони форсӣ ҷойгузини қудрати тафаккур гашта, онҳо меқӯшанд бо калимаҳо бозӣ кунанд ва ибораҳои ғарибу сермаъноро истифода баранд.

Яке аз хизматҳои асосӣ ва шоёни Журден дар он аст, ки маҳз ӯ яке аз аввалинҳо шуда Ҳофиз ва ғазалиёти ӯро ба хонандагони аврупоӣ муаррифӣ намуд.

Шероз, ки ҳамчун «Афинаи Эрон» номбар шудааст, ду шоири бузург – Саъдӣ ва Ҳофизро ба вучуд овардааст. Журден Ҳофизро бо Анакреон (шоири юнонӣ) муқоиса намуда, номи ӯро ҳамчун «Офтоби имон» маънидод кардааст. Ҳофиз бо осудагии руҳӣ ва гароиши худ ба ҷамъияти дарвешон ва зоҳидон маъруф буд. Яке аз ривоятҳои машҳури марбут ба ӯ – дидори Ҳофиз бо Темурланг низ дар мақолаи Журден оварда шудааст.

Дар ҷавоб ба танкиди Темурланг Ҳофиз боназokatӣ ва саховатмандии шоиронаи худро истифода намуда, таъкид мекунад, ки ӯ омода буд Самарқанд ва Бухороро қурбони «доғ ё ҳоле» кунад, ки зебоии занеро боз ҳам афзунтар созад. Ин посухи зираконаи Ҳофиз Темурлангро шигифтзада намуд ва ӯ ба ҷойи сарзаниш бо меҳрубонӣ ба шоир муносибат карду ӯро иззат дод.

Бо ин ҳол новобаста ба зиракии Ҳофиз ва нигоҳҳои неқбинонаи Темурланг ин ривоят, ки сарчашмаи он «Тазкират-уш-шуаро»-и Давлатшоҳи Самарқандӣ (асри XV) мебошад, аз ҷиҳати таърихӣ асос надорад. Сабаби он аст, ки истилои дуҷумлаи Темурланг ба Шероз соли 1393 рух додааст, дар ҳоле ки Ҳофиз соли 1389/90 вафот кардааст, яъне чор сол пештар аз ин воқеа.

Бо вучуди ин, ин достон чунон маъруф ва писанди хонандагонӣ ашъори Ҳофиз гардид, ки тафсириҳои гуногуни он пайдо шуданд, аз ҷумла дар шакли тахайюли шоирона ва таронаҳои гуногун. Нусхаҳои зиёди назмии ин ривоят вучуд доранд, ки ҳар кадоме бо тафсири худ маънои амиқтареро дар бораи шахсияти Ҳофиз ва симои адабии ӯ бозтоб мекунанд.

Аз нигоҳи Журден, осори Ҳофиз як намунаи нодири фасоҳат ва бадеият мебошад. Бо вучуди возеҳии забон дар ашъори Ҳофиз маъниҳои мураккаб ва пуррамз ҷой гирифтаанд, ки сабки ўро мухасир ба фард ва асроромез мегардонанд.

Журден таъкид мекунад, ки Ҳофиз ибораҳои рамзии печида ва лафзи асроромезро истифода мебарад, ки дар он хассосият ва маънавияти хосси орифон ва фақирон инъикос ёфтааст. Ин хусусият сабаб шудааст, ки ўро бо унвони «Лиссон-ул-ғайб» («Забони асрор», «Донандаи забони ғайб») ном баранду бишносанд.

Бо вучуди ин асрорнокӣ ашъори Ҳофиз дорои умқи маънавий ва муҳтавои баланд мебошад. Ба назари Журден, сабки Ҳофиз дар айни содагӣ ва муқоз будан, андешаҳои амиқи фалсафиро дар бар мегирад, ки онро ҳам барои хонандаи ом ва ҳам барои тафсири амиқ мувофиқ мегардонад. Яке аз вежагиҳои дигари ашъори Ҳофиз, ки Журден таъкид мекунад, дарки дутоии ғазалиёти ӯ мебошад. Ў зикр менамояд, ки ғазалҳои Ҳофизро метавон аз ду дидгоҳ тафсир кард, яъне аз назари аввал – а назари орифона. Дар ин тафсир ишқ ва шароб рамзҳои мебошанд, ки неъматҳои илоҳиро васф карда, муҳаббати сӯзони банда ба Худоро таҷассум менамоянд. Аз ин дидгоҳ шеърҳои Ҳофиз дорои маънии амиқи ирфонӣ ва маънавий буда, орзуи ваҳдати руҳонӣ бо ҳақиқати олист.

Аз тарафи дигар бошад, шеъри Ҳофиз пур аз образҳои зебои табиат, занон, шароб ва мусиқӣ мебошад. Намодҳои ишқ ва май метавонанд рамзҳои лаззати зиндагӣ ва эҳсосоти инсонӣ бошанд, ки бо равшанӣ ва зебӣ баён шудаанд.

Хамин тарик, ғазалиёти Ҳофиз омезиши беназири ирфонӣ, ақидаҳои тасаввуфӣ ва инсониятиро дар бар гирифта, осори ӯро ҳам фарогир ва ҳам гуногунтафсир мегардонад.

Дар бораи ғазалиёти Ҳофиз ду дидгоҳи асосӣ вучуд дорад: яке онро як ҷузъи таълимоти суфия медонад, ки дар он таҷаллои ишқӣ илоҳӣ ва васфи баракатҳои Худованд тасвир шудаанд.

Шарқшиносони Ғарб ва шоирони Аврупои Ғарбӣ ба эҷодиёти Ҳофизи Шерозӣ таваҷҷуҳи зиёд зоҳир намуда, ӯро ҳамчун манбаи и илҳом дар шароити бухрони фарҳанги аврупоӣ арзёбӣ мекарданд. Дар «Девони Ғарбиву Шарқӣ»-и И.В. Гёте, суннатҳои адабии Шарқ ва Ғарб ба таври муттаҳидкунанда омезиш ёфта, як тасвири наоваронаи мақоми Ҳофиз ва дигар шоирони шарқиро пешниҳод мекунад.

Далелҳои зиёде мавҷуданд, ки таъсири Ҳофизро ба «Прометидион»-и Сиприан Норвида ишора мекунанд. Дар ин муколамаи адабӣ, ки ба *Canticae Canticorum* (Сурудҳои Сулаймон) ишора дорад, моҳияти ошиқона ва лафзи борики ғазали Ҳофиз инъикос ёфтааст. Дар маводди ҳассос ва рикқатангези Девон, унсури бод, баҳусус насим (зефир), ки ба лаҳзаҳои пурэхсоси ошиқона рабт дорад, як рамзи такрорёбандаи тасвирҳои бадеист. Бод на танҳо рамзи ишқ, балки ҳамчунин василаи интиқоли бӯйи муаттари мӯйи маҳбуба ва паёмафкани муҳаббат мебошад.

Таъсири адабиёти форсӣ, баҳусус Ҳофиз, дар «Прометидион»-и Норвида низ мушоҳида мешавад. Масалан, ба таври дақиқ инъикос ёфтани орзуҳои ошиқона, пазмонии ҳузури ҷисмонии маҳбуб ва ниёзи эҳсосотӣ ба дидор аз ҳамин таъсир шаҳодат медиҳад. Дар ҷаҳони ислом, ки занон аксар вақт бо либоси пӯшида ба тасвир қашида мешуданд, танҳо ҷашмон чун ягона воситаи алоқамандии эҳсосӣ бо муҳаббати маҳрамона боқӣ мемонданд.

Дар адабиёти романтикии Аврупои асри XIX, бисёр шоирон кӯшиш мекарданд, ки на танҳо услуб, балки шакли ғазали форсиро низ таҷриба намоянд. Аз ҷумла, ҷунин кӯшишҳоро метавон дар осори Е. Дунин-Борковский, К. Бжоведский, Ал. Ходзко ва дигарон мушоҳида кард.

Фасли дувум – «Ҳофиз дар идроки шарқшиносии русӣ»
ба омӯзиши осори Ҳофиз ба василаи адабиёти рус бахшида шудааст. Ошноии шоирони рус бо ҷаҳони Шарқ ҳанӯз дар асри

XVIII оғоз ёфта буд, аммо дар давраи Пушкин мавзуҳои «шарқӣ» мавқеи муҳимро дар осори романтикҳо ишғол менамуданд. Зеро онҳо рангорангии экзотикии Шарқро бо шавқи зиёд арзёбӣ мекарданд. Фарҳанги романтикии Русия бо таваҷҷуҳи хос ба омӯзиши забонҳои шарқӣ, мифология, фолклор ва динҳои халқҳои Осиё, инчунин маҷмуаҳои осори хаттӣ ва ашёи ҳунарии Шарқ фарқ мекард.

Ҳофиз, ки яке аз барҷастатарин намоёндагони шеъри форсӣ аст, ки ба таври махсус таваҷҷуҳи романтикҳои рус, аз ҷумла А.С. Пушкинро ҷалб кардааст. Пушкин осори Ҳофизро тавассути манбаъҳои гуногун меомӯхт: 1. «Девони Ғарбиву Шарқӣ»-и Ғеъе – ки дар он образ ва услуби шеъри форсӣ таҷассум ёфтааст. 2. Тарҷумаҳои русии адабиёти классикии форсӣ, ки дар маҷаллаи «Вестник Европы» нашр шуда буданд. Ин таваҷҷуҳи Пушкин на танҳо аҳамияти шахсӣ дошт, балки дар доираи муҳокимаҳои адабии романтикаи солҳои 1820-ум, бахусус мавзуи «сабки шарқӣ», ҷойгоҳи махсус касб намудааст. Ба ҳамин тариқ, Ҳофиз на танҳо дар адабиёти Ғарб таъсир гузоштааст, балки дар фарҳанги адабии Русия низ нақши бориз бозидааст, ки равобити адабии Шарқу Ғарбро таҳким мебахшад.

Фирдавсӣ, Саъдӣ ва Ҳофиз ба манбаи илҳами амиқ барои романтикҳои рус табдил ёфтанд, бахусус барои А.А. Бестужев-Марлинский. Онҳо кӯшиш мекарданд, маҳорати худро дар тарҷумаи ғазалиёти Ҳофиз нишон диҳанд, ки дар он ду кутби мухталиф – «Девон»-и Ғеъе ва манбаъҳои аслии шарқӣ муттаҳид мегардиданд. Бестужев-Марлинский осори Ҳофизро «накли нопазир ва дастнорас барои тақлид» меҳисобид.

Яке аз дигар муҳаққиқони руси адабиёти Шарқ – шарқшинос Д.П. Ознобишин низ ба эҷодиёти Ҳофиз таваҷҷуҳи махсус дошт. Дар мақолаи худ «Дар бораи руҳияи шеъри халқҳои Шарқ», ӯ адабиёти Шарқро ҳамчун таҷассумгари эҳсосот ва ишқӣ арзёбӣ намуда, ҳузури ангезаҳои назмиро дар ашъори Ҳофиз таъкид мекунад. Ознобишин тарҷумаҳои осори Ҳофиз, Саъдӣ ва дигар шоирони шарқро ба забони русӣ анҷом додааст.

Л.Н. Толстой низ ба осори Ҳофиз таваҷҷуҳ зоҳир карда, дар асарҳояш ғояҳои ахлоқиву зебоипарсатии шеъри ӯро инъикос намудааст. Ҳаваси ӯ ба омӯзиши суннатҳои шарқӣ саҳифаи наvero дар таърихи робитаҳои фарҳангии Русия ва Шарқ боз намуд.

Фасли сеюми боби аввал – «Қабули ангезаҳо (ретсепсия)-и ашъори Ҳофиз дар назми рус» ба таҳқиқи масоили марбут ба таъсири ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ ба ба эҷодиёти адибони рус, аз ҷумла силсилаи ашъори А.А. Фет бахшида шудааст. Афанасий Фет, ки аз осори Ҳофиз илҳом мегирифт, тарҷумаҳои шеърӣ ӯ ва тафсириҳои озодаи ғазалиёти Ҳофизро эҷод намудааст. Дар ин тафсириҳо, Фет ғояҳои худро дар бораи ҷоҳилият ва шаккокияти замони худ мунъакис сохтааст. Ӯ Ҳофизро ҳамчун муғаннии ишқ медид, ӯ чунин мешуморид, ки зиндагии Ҳофиз «инқилоби ахлоқӣ»-ро таҷриба кардааст. Дар ашъори худ, Фет ҷаззобияти Шарқро ҳис карда, онро «кишвари муъҷизаву тазодҳои шадид» номидааст.

Фасли чаҳорум – «Дарки эҷодиёт ва шахсияти Ҳофиз дар адабиёти рус» бозтоби шахсияти Ҳофизро дар осори Ф.В. Булгарин ва Н. Гумилёв баррасӣ мекунад. Ҳофиз ҳамчун шахсияти асроромез дар адабиёти рус муаррифи мешавад. Шахсияти Ҳофиз дар адабиёти рус ҳамеша бо асрор, рамзҳо ва ривоятҳои зиёд ихота шудааст. Баъзе аз шарқшиносони рус ӯро як ошиқи беқарор, шоири хилватпараст ва шӯҳтабъ, ки бо соҳибдилони бозор шӯҳӣ ва айшу ишрат мекунад, ба тасвир мекашанд. Дар тасаввуроти баъзе аз муҳаққиқони рус, Ҳофиз шахсияти мутафовит бо ҳабитати шахрии худ буд: «Ин аст Ҳофиз: ӯ дар сари худ дастори шарқӣ дорад, дар тан ва ҷомае сабук, дар соғаре май дорад»...

«Ветер повеял из сада через тенистый порог.

Гурия рядом. Отрада грозный блистающий ток.

Да, я бедняк! Я сегодня величием равен царю.

Кровля мне облако. Трон мой берег. Подножье поток».

«Нозукии шево ва шӯҳтабъии Ҳофиз, шакли зебову печидани ғазалхояш – он паноҳгоҳест, ки шоир ба он рӯ меорад, то аз даҳшатҳои айёми пушошӯб гурезад; он василаест, ки бо ёрии он умедвор аст, ки оташи эътирозро дар ниҳоди худ хомӯш кунад; он гӯшаи оромӣшест, ки дар он метавонад худро аз ҳаёлотӣ парешон раҳонад, аз садои дохилии мубориза паноҳ ёбад; он нишонаи созиш бо воқеияти торик аст» [4, 255].

Дар таҳқиқоти худ дар бораи ҷараёни омӯхтани осори Ҳофиз дар адабиёти рус муҳим мешуморем, ки ба хусусияти дарки ин «Булбули нозанини Шероз» аз ҷониби адибони рус диққати вежа дода шавад. Намунаи барҷастаи ин раванд асарҳои Ф.В. Булгарин

«Сочинения Фаддея Булгарина» (1830) ва Н. Гумилёв «Дитя Аллаха» (1916) [3] мебошад.

«Адолат ва шоистагӣ» (Афсонаи шарқӣ) – достони шарқӣ дар бораи ҳокими оқил – Халифа Ҳорун ар-Рашид мебошад. Халифа тасмим мегирад, ки тобеонашро кадрдонӣ намояд ва шоистатаринро мукофот диҳад. Барои ин шахсиятҳои гуногун пешниҳод мешаванд: фармондеҳ, дафтардор (ҳазинадор), қозӣ, вазири дарборӣ. Вале ҳоким ҳамаи онҳоро рад мекунад. Ӯ бо наздиконаш андеша меронад ва ба хулосаи дуруст мерасад. Ӯ таъкид мекунад, ки хизматгори давлат ба ду гурӯҳ чудо мешаванд: гурӯҳи аввал онҳоянд, ки меофаранд ва парвариш мекунанд, гурӯҳи дувум – онҳое, ки муҳофизат мекунанд.

Ба гурӯҳи аввал олимону шоирон шомиланд, ки дониши худро ба мардум арзонӣ медоранд, роҳи адолат ва саодатро нишон медиҳанд. Шоирон дар ниҳоди инсон эҳсосоти нозук ва зебо ро парвариш медиҳанд, симоҳо ва манзараҳои зебои руҳнавозро эҷод мекунанд. Онҳоро муҳаббат ба инсон раҳнамоӣ мекунад ва бо каломи нек ҷомеаро ба камоли маънавӣ мебаранд. Ва Халифа эълон мекунад, ки шоистатарин шахс барои дарёфти мукофот ҳоким Ҳофиз аст. Ин тасмими хирадмандонаи ҳоким аз ҷониби мардум бо хушнудӣ истикбол мегардад.

Пас аз як аср, Н. Гумилев, нависандаи рус, Ҳофизро бо муҳаббати осмонӣ дар эҷодиёти худ мукофот медиҳад. Ба ин мавзӯя песа «Дитя Аллаха» (1917) бахшида шудааст.

«Дар достони Парӣ барои ҷустуҷӯи муҳаббат ба Замин меояд. Вай беҳтарин фарзанди Адамро меҷӯяд ва барои ёфтани ӯ дар ин ҷустуҷӯ ба Дарвиш сар мезанад, ки ба ӯ як Наврал (аспи якшоха) ва ҳалқаи Султонро медиҳад. Дар рафти ҷустуҷӯи муҳаббат Парӣ ҷавонеро мебинад, ки ба роҳатӣ ва шаҳват иштиёқ дорад; нафарест, ки ба ҷанг ва пирӯзӣ иштиёқ дорад; ва халифаро меёбад. Парӣ дар ноумедӣ қарор мегирад; кӯшиши ӯ барои ёфтани муҳаббат бо ҳалокати се нафар анҷом меёбад. Ҳофиз «бо ҷашмони пур аз оташ», «дар қалби пур аз иштиёқ», ошиқ мешавад. Ҳамин тавр, Н. Гумилев дар Ҳофиз, симои шоири сафои осмонӣ, ки аз ҳикмати Худо бархурдор аст, мебинад, ки ба забони Муъҷизахоро медонад ва метавонад одамро дарку эҳё кунад.

Вай лаззатҳо ва зебоии заминро ситоиш мекунад ва зебоии маънавию меҷӯяд; ӯ роҳнамои ҷавонон аст ва онҳоро ба роҳи ишқ

меоварад. Вай дар шунавандагон ҳиссиёти зебо ва нурони ро бедор мекунад ва Ҳофиз сазовори муҳаббати осмонӣ ва заминӣ аст.

Дар хулосаи боби якум қайд карда шудааст:

– Дар осори руҳафзои романтикҳои аврупоӣ метавон мушоҳида кард, ки онҳо мавзӯҳо ва ангеҷаҳои ғазалиёти Ҳофизро ба таври эҷодӣ табдил медиҳанд, онҳоро шарҳ медиҳанд ва тафсири хоси худро пешниҳод менамоянд. Онҳо ба тарҷумаи сухан маҳдуд намешаванд, балки шаклҳои вежа ва вариацияҳои мустақили худро меофаранд, бо таҳаввулоти тасвирҳои шарқӣ ва муқоисаҳо амиқ ворид мегарданд.

– А.А. Бестужев-Марлинский, шарқшинос ва тарҷумони рус, низ дар тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз равиши эҷодӣ ва озодро истифода мебард. Осори ӯ бо сабки хос ва озодии интиқоли ангеҷаҳои шарқӣ фарқ мекарданд.

– Д.П. Ознобишин ҳангоми тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз равиши эҷодӣ ва волиҳона дошт ва «назираҳо» ё тақлидҳое ба булбули шарқӣ меофарид. Дар осори ӯ шефтагии ҷаҳони шарқӣ эҳсос мешуд, ки онро бо вежагии эҷодӣ ба тафсири худ ворид менамуд.

– Дар фазои адабии рус тавачҷӯх ба эҷодиёти Ҳофиз меафзояд ва ашъори ӯ барои А.А. Фет сарчашмаи илҳами нав мегардад. Фет, ки тариқи тарҷумаҳои оломонӣ бо асрори шарқ ошно шуда буд, дар ашъори шарқии худ эҳсосот ва тасвирҳои навро ворид мекунад, ки дар таҳқиқоти адабӣ ҳамчун тарҷумаҳои сода арзёбӣ намешаванд.

– Осори Ф.В. Булгарин «Правасудие и заслуга» ва Н. Гумилёв «Дитя Аллаха» намунаҳои равшани дарки вежаи булбули Шероз аз ҷониби адибони рус мебошанд. Ҳарду муаллиф ба ангеҷаҳои шарқӣ услуб ва тафсири хоси худро бахшида, ба онҳо тобишҳои маънавии нав зам намуданд.

Боби дуюм – «Масъалаи дарки ашъори Ҳофизӣ Шерозӣ дар адабиёти асри XX-и рус» фарогири се фасл аст.

Фасли аввал «Дарки ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ дар назми «Асри нуқрагӣ»» ба баррасии масъалаи дарки ғазалиёти Ҳофиз аз тарафи С. Есенин мепардозад. «Асри нуқрагӣ» давраи истисноист, ки бо пайдоиши ҳодисаҳои махсуси фалсафӣ ва эстетикӣ дар фарҳанги ҷаҳонӣ хос мебошад. Фаёлолони ин давра нуқтаи назари навро эҷод карданд, ки ба муқобили беиродагии

руҳонӣ, ғояҳои истеъмолагарӣ ва мантикии одатшудаи ҷомеа баромад намуданд. Рамзгароии русӣ ба яке аз ҷанбаҳои асосии санъат ва фарҳанги «Асри нукрагӣ» табдил ёфт, ки дар он кӯшиш мекарданд, ки асосҳои дурусти равшаниву руҳонӣ ва эҷодӣ ва ҷамоаҳои фарҳангҳои аврупоӣ ва русии ҳамоно замонро муттаҳид созанд. Фалсафаи рамзгароии русӣ ёдоварии ягонагии шеваи «миллӣ» ва «ҷаҳонӣ»-ро ҳамчун асоси ҳислатҳои руҳонӣ барои тағйири ояндаи ҷаҳон пешкаш намуд.

С. Есенин дар аввали асри XX ба адабиёти рус ворид шуд. Дар дунёи шеърӣ Есенин, гарчанде ки душворӣ, гуногунӣ ва ҳатто як қатор зиддиятҳо мавҷуданд, вале эҷодкоронаи пайвандӣ аст, ки аз тасвирҳо, рамзҳо, манзараҳо, сабкҳо ва мавзӯҳо сохта шудааст. Дар осори шоир якҷанд калимаҳое, ки такрор мешаванд, рамзи хосси Есенинӣ мегиранд.

Ин калимаҳое, ки бо дигар калимаҳояш ва тасвирҳо пайваست мешаванд, як дунёи шеърӣ ягонаи шоирӣ месозанд, ки дар он ҳар як унсур бо дигарон дар як матои устувори адабӣ ба ҳам пайваст мешавад. Ҳофизи Шерозӣ бо осораи С. Есенинро бетараф намонду, пас аз шиносоии бо як ғазали маъруфи классикӣ ки чунин аст, ба вачд омадааст.

*«Ну, а этой за движение стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковёр шираский подарю» [4, 15].*

Сергей Есенин барои зебоии духтар омода аст, ки ба ӯ рӯймоли шол ва қолини шерозӣ ҳадя кунад, ҳамоно тавре ки Ҳофиз барои ҳоле, ки ҷеҳраи зеборо зеб меод, омода буд он чиро, ки надорад, нисор созад.

Акнун ба намунаи дигар назар мекунем: шеъре аз «Ангезаҳои форсӣ»-и С. Есенин, ки дар он такрори байт ба радифи ғазали форсӣ шабоҳат дорад.

*«Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.
Воздух чистый и голубой.
Я пойду в цветочную чащу» [4, 27].*

Сайёҳ дар уфуқи рангин, ки тадричан дур мешавад, ҳаргиз ба биёбон намерасад. Ҳаво софу нилгун аст. Дар ин шеър тақрорҳои зиёд мавҷуданд. Ҳаракати он бар асоси мантикии овозӣ ва ҳамоҳангии нозуки он бо услубҳои рангҳо, ки хосси услуби Есенин мебошад, шакл гирифтааст. Гарчанде ки хусусияти лирикии он дар анъанаҳои гуногун мавҷуд бошад ҳам ва қофиясозӣ як вежагии маъмули шеърӣ ҷаҳонӣ бошад, ин тарзи тақрор ба баъзе радиқҳои форсӣ шабоҳат дорад, зеро дар он калимаҳои пурра (масалан, «нилгун») тақрор мешаванд.

Дар фасли дувум зери унвони «Ҳофиз ва иттиҳоди адабии «Ҳофизитҳо»» роҷеъ ба таъсири Ҳофиз ба эҷодиёти Л. Бакст, К. Сомов, М. Кузмин, Н. Нувел, Вяч. Иванов ва А. Зиновьева-Аннибал маълумот дода мешавад.

Шеърҳои классикии форсӣ-тоҷикӣ барои намояндагони доираи адабии русии нимаи дувуми асри XIX ва ибтидои асри XX ҷунун ҷолиб ва мувофиқ омаданд, ки маҳз дар ҳамин давра ҷамъияте бо номи «Ҳофизитҳо» ё «Ҳофизи Шимолӣ» таъсис ёфт. Ин ҷамъият, ки соли 1906 дар Петербург таъсис ёфта буд, иборат аз шоирон ва рассомоне буд, ки худро бо осори Ҳофиз наздик эҳсос мекарданд. Ба ҳаёти ин гурӯҳ шахсиятҳои маъруфе, ба мисли Л. Бакст, К. Сомов, М. Кузмин, Н. Нувел, Вячеслав Иванов ва А. Зиновьева-Аннибал шомил буданд.

Михаил Кузмин яке аз намояндагони шинохтаи гурӯҳи адабии «Ҳофизи Шимолӣ» бо ашъори худ, ки дар маҷмуаи «Венок весен» (1908) ҷамъ оварда шудаанд, муди нав ба ғазалҳои Ҳофизро дар муҳити адабии русӣ ҷорӣ кард. Бисёре аз баҳсҳо дар бораи сирру асрори нафосати шарқӣ дар шеърӣ ӯ «Дӯстоне барои Ҳофиз» инъикос ёфтаанд:

*«Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.
Пусть демон не мутит, печалью хитрость строя,
Сомненьем, что всему настанет свой черед,
Пусть семеро, пусть пятеро, пусть четверо, пусть трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет» [24, 132].*

Сатрҳои Кузмин, ки дар бораи онҳо сухан меравад, на танҳо ҷаҳонбинии фалсафии ўро ба эҷодиёт инъикос мекунанд, балки,

ҳамзамон, усулҳои асосии маҳфили адабиёро, ки ӯ ба он тааллуқ дошт, нишон медиҳанд. Ин усулҳо ба шумораи иштирокдорон маҳдуд намешаванд, балки бештар ба муҳити ҳукмрон дар ин маҳфили эҷодӣ таъкид мегузоранд. Ин ҷамъият бар асоси илҳои мутақобил, ҷустуҷӯи зебоӣ ва ҳақиқат ташкил шудааст ва ба қолабҳои саҳт ва меъёрҳои теъдодӣ тобеъ нест. Дар чунин замина, қувваи эҷодии дастаҷамъона ва ғанӣ гардонидани якдигар бо ғояҳои нав асоси вучуди онҳо мешавад.

Барои Михаил Кузмин, Ҳофиз танҳо як намунаи адабиёти шарқӣ набуд. Ӯ мекушид ба осори шоир наздик шавад, ғазалҳо эҷод кунад, ки бештари онҳо дар сатҳи баланди ҳунари қарор доштанд.

Намояндаи дигари маҳфили «Ҳофизи Шимолӣ» Валерий Брюсов ҳадаф ва вазифаҳои тамоман дигар дошт. Вақте ки ӯ соли 1913 ғазалҳо ва рубоӣҳои форсиро эҷод мекард, ӯ бар он буд, ки шеърӣ ӯ бояд як ҷузъи «Ҳобҳои башарият» ва «Андешаҳои лирикии таърихи ҷаҳонӣ» гардад. Брюсов дар пайи он буд, ки анҷумани ҷаҳонии шеърӣ башарино таъсис диҳад ва мекушид, ки шаклҳои гуногуни шеърӣ лирикиро аз тамоми миллатҳо ба шеърӣ русӣ мунтақил созад. Намунае, ки ӯ аз шеърӣ шарқӣ офарида буд, мисоли маҳорат ва ҳисси зебоии нозуқ дар муносибати ӯ бо ҷаҳонбинии шарқӣ мебошад.

Инчунин, Игор Северянин, Вячеслав Иванов, Георгий Иванов ва дигар шоирони рус низ ба таҳқиқ ва фаҳмиши шахсии худ аз жанри ғазал тавачҷуҳ зоҳир карданд.

Намояндагони маҳфили «Ҳофизи Шимолӣ» дар классики адабиёти форсу-тоҷик шоири поки осмонӣ, муаллим ва орифи боҳикматро медиданд, ки бо истеъдоди беҳамтои худ инсонро ба амалҳои воло илҳом мебахшад. Ҳофиз зиёдаравии ҳаётро меситояд, зебоӣ ва лаззатҳои заминиро васф мекунад, ӯ роҳнамои ҷавонӣ ва муғаннии муҳаббат аст. Ашъори ӯ дар шунавандагон эҳсосоти баланду зеборо бедор мекунад.

Фасли сеюми боди дуюм – «Дарки шеърӣ Ҳофизи Шерозӣ дар даврони шуравӣ» ба таҳаввули муносибат бо осори Ҳофиз рабт дорад. Ин фасл қисмати муҳимми таърихи дарки мероси адабии Ҳофизи Шерозӣ дар даврони шуравӣ мебошад. Маҳз дар ҳамин давра таҳқиқоти илмӣ муназзам оид ба осори ӯ

огоз ёфт ва ин ба нашри як қатор асарҳои калидӣ оварда расонд, ки уфукҳои навро барои омӯзиши шеъри Ҳофиз боз карданд.

Пеш аз ҳама, нақши академик Абдулғанӣ Мирзоев ва аввалин мақолаи илмӣ ӯ дар бораи Ҳофиз зикр мегардад. Баъдан, муқаддимаҳои нашрҳои ашъори Ҳофиз, ки аз ҷониби дигар шарқшиносони барҷаста таълиф шудаанд, таҳқиқ мешаванд. Ин қорҳои илмӣ нуктаи ибтидоии пажӯҳишҳои баъдӣ ва омӯзиши мавзӯю сабки Ҳофиз гардиданд.

Ниҳоят, Мирзо Турсунзода ба унвони фарде, ки на танҳо дар тасвири сарнавишти таърихӣ ва фарҳангии миллати тоҷик, балки дар омӯзиш ва ҳифзи арзишҳои маънавӣ ва ҳунарий, аз ҷумла шеъри Ҳофиз, саҳми арзанда гузоштааст.

Ин фасл зарурати омӯзиши мунтазам ва амиқи осори Ҳофизро Шерозиро ҳамчун қисми мероси фарҳангӣ ва таъсири он ба адабиёти давраҳои гуногун ва миллатҳои мухталиф инъикос мекунад. Аз ин рӯ, он арзиши баланди илмӣ ва фарҳангӣ дорад.

Ҳофиз бо эҷодиёти худ то имрӯз шоирони зиёдеро дар Тоҷикистон шефта ва илҳомбахш мекунад. Шоирони бузурги муосири тоҷик, Лоик Шералӣ, ки воқеан эҷодкор ва нобиғаи асри навин аст, дар ашъори худ Ҳофиз ва Хайёмро ҳамчун устодони худ эътироф кардааст.

Шоирони дигари барҷастаи тоҷик, ки мисли пешиниёни худ аз мероси адибони гузашта сабақи маънавӣ ва илҳом гирифтааст, Хабибулло Файзулло мебошад. Ӯ ба шеъри тоҷик навгонии зиёд ворид кардааст ва дар парвариши мавзӯҳои муҳимми адабӣ нақши барҷаста гузошт. Ашъори ӯ дар васфи Ватан, шинохти муқаддасоти миллӣ, арзишҳои таърихӣ ва фарҳангӣ, инчунин тарғиби ғояҳои инсонпарварӣ саҳми назаррас гузоштаанд. Ӯ ҳам дар қолабҳои анъанавӣ, ба монанди ғазал, қасида, мусаммат, маснавӣ, рубой ва дубайтӣ, ҳам дар шаклҳои нави шеърӣ, монанди чорбайтӣ ва арӯзи озод, эҷод кардааст.

Мақолаи муҳаққиқ А. Қодиров, ки дар маҷмуаи «Баъзе андешаҳои фалсафӣ дар шеъри Ҳофиз» нашр шудааст, ғазалҳои Ҳофизро аз нигоҳи фалсафӣ, нигилизм, зиддиятҳои мазҳабӣ ва тафаккури ихтилофоти замони ӯ таҳлил мекунад.

Дар таҳқиқоти В. А. Капранов, ки ба хусусиятҳои луғавии осори Ҳофиз бахшида шудааст, сохтори ғазалҳои Ҳофиз ва нақши истиораи бадеӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Инчунин,

таъсири шеъри Ҳофиз ба насри Чалол Иқромӣ ва Садриддин Айний мавриди таҳлил қарор мегирад, ки нақши муҳими ӯро дар таърихи адабиёти Тоҷикистон таъкид мекунад.

Олимони тоҷик, аз ҷумла Валӣ Самад, дар таҳқиқоти худ ғазалҳои Ҳофизро дар заминаи адабиёти ҷаҳонӣ баррасӣ намуда, тарҷумаҳои ғазалҳои ӯро таҳлил мекунанд ва нақши онҳоро дар адабиёти ҷаҳон нишон медиҳанд. Дар мақолаҳои илмӣ онҳо, монанди «Ҳофиз ва Пушкин» ва «Ғазалҳои Ҳофиз аз назари Толстой», дарки шеъри Ҳофиз дар адабиёти русӣ равшан гардидааст. Шокир Мухтор муҳаққиқи дигари тоҷик, робитаҳои адабиёти форс-тоҷикро бо адабиёти Фаронса меомӯзад. Ӯ таъсири адабиёти форсӣ-тоҷикӣ, аз ҷумла осори Ҳофиз, ба адабиёти Фаронса ва таърихи маъруфияти ғазалҳои Ҳофиз дар Аврупо баррасӣ кардааст.

Дар рисолаи А. Худойдодов «Мавқеи ғазалҳои Ҳофиз дар таърихи робитаҳои адабии тоҷикон ва ӯзбекон» ва таъсири ғазалҳои Ҳофиз ба адабиёти ӯзбек мавриди баррасӣ қарор мегирад, ҷойгоҳи осори ӯро дар равобити адабии ду халқи ба ҳам қарин низ таъкид менамояд.

Дар **хулосаи боби дувум** қайд шудааст, ки масъалаи дарки шеъри Ҳофизӣ Шерозӣ, шоири машҳури форс-тоҷик, дар адабиёти русӣ асри XX мавзӯи ҷолиб ва муҳим мебошад. Шеъри Ҳофиз, ки ба забони форсӣ навишта шудааст, бо амиқӣ, эҳсосотнокӣ ва мавзӯҳои башарии худ диққати хонандагонӣ зиёдро дар саросари ҷаҳон ҷалб кардааст.

Шояд набудани тавачҷуҳ ба адабиёти Эрон дар ҷомеаи русӣ асри гузашта, аз ҷумла ба сабаби ҷудои фарҳангӣ, ба камшӯхратии осори Ҳофиз бо забони русӣ таъсир расонидааст. Ҳамзамон, суннати шеъри русӣ хусусиятҳои хоси худро дорад, ки на ҳамеша бо ҷаҳони шеъри Ҳофиз мувофиқат мекунанд.

Даврони шуравӣ тадқиқоти илмӣ зиндагӣ ва эҷодиёти Ҳофизро ба марҳилаи нав ворид кард. Дар солҳои 1940-ум мақолаи илмӣ академик Абдулғанӣ Мирзоев дар маҷмаи «Намунаҳои адабиёти тоҷик» нашр гардид, ки нуқтаи ибтидоии омӯзиши ҷиддии осори ин шоири бузург шуд. Дар ин мақола академик А. Мирзоев ба мавзӯҳои асосии ашъори Ҳофиз, аз ҷумла ишқ, инсондӯстӣ ва вафодорӣ диққат медиҳад.

Таҳқиқоти донишмандони тоҷик, аз ҷумла Ш. Мухтор, В. Самад, Ш. Ҳусейнзода, А. Қодиров ва дигарон ба дарки таъсири ашъори Ҳофиз ба шоирони хориҷӣ саҳми муҳим гузоштанд. Онҳо донишҳои моро дар бораи иқтибосҳо ва таъсири услуби Ҳофиз ба дигар шоирон густариш дода, ҷанбаҳои нави санъати бадеиро, ки дар натиҷаи муколамаи фарҳангӣ бо эҷодиёти Ҳофиз ба вучуд омадаанд, равшан намуданд. Ин тадқиқот ба дарки беҳтари маънӣ ва арзишҳои шеърӣ Ҳофиз ва таъсири ӯ ба суннатҳои гуногуни шеърӣ мусоидат мекунад.

Донишмандони тоҷик таҳқиқоти худро дар мавриди таъсири шеърӣ Ҳофиз ва тарҷумаи осори ӯ ба забонҳои гуногун идома дода, саҳми бузург дар рушди адабиёт ва дарки шеърӣ ҷаҳонӣ мегузоранд. Асарҳои онҳо ҷузъи ҷудонашавандаи мероси ғании фарҳангии Тоҷикистон буда, барои наслҳои нави адибон ва муҳаққиқоне, ки омӯзиш ва таҳлили осори Ҳофиз ва таъсири ӯ ба адабиёти миллатҳои гуногунро идома медиҳанд, манбаи илҳом мебошад.

Боби сеюм «Хусусиятҳои тарҷуманӣ ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ ба забони русӣ» унвон дорад. Боби мазкур се фаслро фаро мегирад. **Фасли аввали боби се – «Хусусиятҳои жанрии ғазал дар адабиёти форсу тоҷик»** ба хусусиятҳои жанрии ғазал бахшида шудааст. Ғазал ҳамчун жанри махсуси шеърӣ шарқ сохтори хосси худро дорад, ки ба дарки он таъсир мерасонад. Одатан, ғазал аз панҷ то ҳафт байт иборат буда, ҳар байт (бейт) як фикри комилро ифода мекунад ва аксаран бо байтҳои дигари ғазал алоқаманд нест. Ин хусусият ғазалро аз шеърӣ классикии аврупоӣ, ки сатру байтҳои он бо ҳам алоқаманд мебошанд, фарқ мекунад. Дар шеърӣ ғарб пайванди мантиқӣ ва мавзӯӣ дар байни сатрҳо мавҷуд аст, дар ҳоле ки дар ғазал ин равобит на ҳамеша барои хонандаи ғарбӣ возеҳ мебошад. Аммо ҳар ғазал, бахусус, агар онро устои шеърӣ шарқ эҷод карда бошад, яклухт ва пурра ба назар мерасад.

Фасли дувуми боби сеюм ««Назира» (ҷавоби манзум) ба ғазалҳои Ҳофиз» ном дорад. Таҳти таъсири адабиёти форс-тоҷик жанри «назира» маъруф ва паҳн гардид. Бахши дувум, ки «Назира (ҷавоби шеърӣ) ба ғазалҳои Ҳофиз» ном дорад, ба ин масъала равшанӣ меандозад. Ғазалҳои Ҳофиз ҳанӯз дар давраи зиндагии ӯ маъруф буданд ва илова бар тарҷумаи ашъораш, шоирон ба

ғазалҳои ӯ бо жанри «назира» посух медоданд. Яке аз аввалин шоироне, ки ба ғазали маъруфи Ҳофиз «Агар он турки Шерозӣ...» назира навишт, шоири ҳамзамони ӯ Абуисҳоқи Шерозӣ буд.

*«Ба пешам чун Хуросони гар ори саҳни бугоро,
Ба бӯи қалъаяш «Баҳшам Самарқанду Бухороро».
Биринчи зарду собуни агар дори, ғанимат дон
«Канори оби Рукнободу гулгашти Мусаллоро»
Чӣ орои ба мушки заърафон рухсори полуда,
«Ба обу рангу холу хат чӣ ҳоҷат рӯи зеборо?
Чамоли барраи бирёну ҳусни дунбаи кашак
«Чунон бурданд сабр аз дил, ки туркон хони яғморо».*

[35, 89].

*Коль как хоросанец, ты явишь ты картину перегонки вина,
За исходящий от него запах отдам и Самарканд, и Бухару.
Коль у тебя есть рис златой и мыло душистое, дорожки им
«Рядом с рекой Рукнабад и садами Мусалло»*

Дар асри XV бисёре аз шоирони мактаби адабии Ҳирот, аз ҷумла Абдурахмон Ҷомӣ, панҷ байти ғазали Ҳофизро аз нух байти аслии он интиҳоб намуда, ба он назира навишт. Алишер Навоӣ (Фонӣ) дар миёни ҳамаи шоироне, ки ғазал месурӯданд, беш аз ҳама Ҳофизро эҳтиром мекард. Тавре ки академик Абдулғанӣ Мирзоев шаҳодат медиҳад, Навоӣ бо пайравӣ аз Ҳофиз 554 ғазал эҷод кардааст, ки 237-тои онҳо назира мебошанд. Яке аз ин назираҳо маҳз таҳти таъсири ғазали маъруфи «Агар он турки шерозӣ...» навишта шудааст:

*«Гар он турки хитои нӯш созад ҷоми саҳборо,
Нахуст орад сӯйи мо турктози қатлу яғморо.
Рухаш дар нозукӣ бар бод дода сафҳаи гулро,
Қадаш дар чобӯкӣ бар хок монда сарви рағноро» [35, 90].*

Алишери Навоӣ (Фонӣ) ба ҷанбаи дигар диққат медиҳад, ки инро метавон аз тарҷумаи мо дарк намуд.

*Если бы та красавица из Китая вкусила чащу вина
И впервые показала, как убийственно страстна.
Лик её в изяществе превосходит бутон цветка,
Стан её намного краше, чем любимая ловка.*

Дар ин ҷо Фонӣ дар сатрҳои шоиронаи худ сохтори ғазали Ҳофизро хеле рангин истифода бурда, ба он тасвирҳо ва ифодаҳои нав зам мекунад. Дар байти охири назираи худ ӯ ба натиҷа

мерасад, ки маҳз Ҳофиз ба сатҳи баланд дар навиштани ғазалҳо расидааст:

*«Ғазал гуфтан мусаллам шуд ба Ҳофиз, шояд, эй Фони,
Намои чошнӣ дарюзи 3-он назми ҷаҳоноро»* [35, 91].

Тарҷумаи таҳтуллафзӣ:

Бесспорино, ғазели навиштан дано танҳо Ҳофизу, метавонад

быть,

И ты, Фони, удостоишься чести писать в подобном

стиле поэзии.

Дар асрҳои XVI-XVIII ғазали «Агар он турки шерози...» тавассути чунин шоирони маъруфи тоҷикӣ форс, турк ва озар, аз қабилҳои Муҳаммад Фузулӣ, Соибӣ Табрезӣ, Сайиди Насафӣ, Шавқати Бухорӣ, Ғании Қашмирӣ, Нозими Ҳиротӣ, Маҳмуди Ғоибӣ ва дигарон боз ҳам маъруфтар гардид. Сайиди Насафӣ бо ғазали худ «Ба гулшан чун барафрӯзад маҳе рухсори чун гулро» ғазали «Агар он турки шерози...»-ро бо сабки хосси худ сайқал дод.

Дар таҳқиқоти худ Валӣ Самад дар бораи шухрати ғазали «Агар он турки шерозӣ...»-и Ҳофиз дар Аврупо ва Русия сухан мегӯяд. Ин ғазал барои шоирони халқҳои гуногун объекти тақлид, тарҷума, иқтибос ва ҷавобҳои шоирона гардидааст. Танҳо дар Русия, дар давоми асрҳои XVII-XX, тарҷумаи русии он бо номи «Если эта турчанка из Шираза...» беш аз 150 маротиба бо садои 150 шоир садо додааст! [35, 88].

Барои хонандаи аврупоӣ байтҳои Ҳофиз рамзи неруи муҳаббат мебошанд, дар ҳоле ки аксари шоирони тасаввуфӣ бар онанд, ки ғазали «Агар он турки шерозӣ...» ақидаҳои тасаввуфиро дар бар гирифта, ба ҷониби Аллоҳ муроҷиат менамояд.

Тахти таъсири адабиёти Шарқ, хусусан, адабиёти тоҷикӣ-форсӣ дар шарқшиносии русии нимаи аввали асри XIX жанри «назира» инкишоф ёфт. Ғазали «Агар он турки шерози...»-и Ҳофиз низ аз ин истисно набуд ва тавачҷуҳи шоирону нависандагонӣ зиёдеро ҷалб кард. Ин ғазалро бисёре аз шоирону адибон, аз ҷумла В.Н. Григорев, М.Ю. Лермонтов ва Д.П. Ознобишин тарҷума намудаанд. Тарҷумаҳои муосир, аз ҷумла тарҷумаи Г. Плисетский, ин анъана ро низ идома медиҳанд.

Ғасли сеюми боби сеюм – «Гуногунрангии тарҷумаи ғазалиёни Ҳофиз» ба масъалаи тарҷума бахшида шудааст.

Тарчума яке аз шаклҳои забоние мебошад, ки намудҳои тарчумаи рефират, аннотатсионӣ ва хулосавиро низ дар бар мегирад. Ин намудҳои тарчума аз рӯйи ҳаҷм ва шакли интиқоли маълумот фарқ мекунад. Тафовути тарчума аз нақлу хулоса дар он аст, ки тарчума равандест, ки ягонагии мундариҷа ва шакли аслиро таҷдид менамояд.

Дар асоси он ки тарчумон барои интиқоли дақиқи кадом ҷанбаи матн талош мекунад, се равиши куллан фарқкунандаи тарчумаи як асари поэтикӣ мавҷуд аст:

Тарчумаи назмӣ: Ин усул интиқоли маълумоти аслиро танҳо бо нутқи шеърӣ забони тарчума талаб мекунад. Ин гуна тарчума ба асл дар суҳан, ибора ва услуб наздик аст, аммо маълумоти умумиро таҳриф мекунад ва маълумоти эстетикиро қариб, ки намегузорад.

Тарчумаи шоирона: Ин усул ягона роҳи тарчумаи шеърӣ ғазал буда, ба муоширати воқеии шеърӣ нигаронида шудааст. Ҳамзамон, он маънои дуқабата (фактуалӣ ва концептуалӣ) ва маълумоти бисёрқабатаи эстетикиро интиқол медиҳад, ки иртиботи байни муаллиф ва хонандаро тавассути матни шеърӣ таъмин мекунад.

Тарчумаи таҳтуллафзӣ: Ба ин мавзӯ **зерфасли якуми фасли сеуми боби се бо унвони «Тарчумаи таҳтуллафзӣ»** бахшида шудааст. Тарчумаи таҳтуллафзӣ муҳтавои шеър, тасвирҳо ва таркиби байтҳоро бозгӯ мекунад ва нисбат ба тарчумаи назмӣ дақиқтар аст. Бо вучуди ин, дар тарчумаи насрӣ мо танҳо дарк мекунем, ки шоир дар бораи чӣ суҳан гуфтааст, аммо садояшро намешунавем ва ҳеҷ як таронаи руҳбахшандаи ўро эҳсос намекунем. Ин ба он сабаб аст, ки эҳсосоти мо, ки танҳо тавассути шакли шеър таҳрик меёбанд, бе таъсир мемонанд.

Дар зерфасли дувуми фасли сеюми боби се масъалаи дигари муҳим – «**Тарчумаи озод**», ки ба он тарчумонҳо таваҷҷуҳи зиёд медиҳанд, баррасӣ мешавад.

Муҳақиқон истилоҳи «тарчумаи озод»-ро ҷорӣ намуданд, то тағйири иловаҳо ва дигаргуниҳое, ки тарчумонҳо ба матни аслии ворид мекунанд, ифода намоянд. Аммо онҳо дарк карданд, ки инмафҳум наметавонад моҳияти пурраи равандро, ки ба дарки матни ҳориҷӣ ва коркарди эҷодии он равона шудааст, баён кунад.

Муҳаққиқон ба тағйири калимаҳо, ибораҳо, сатрҳо ва ҳатто байтҳо дар тарҷумаҳои Державин ва Липкин диққат доданд. Онҳо кӯшиш карданд, ки сабабҳо ва аҳаммияти ин дигаргуниҳоро дарк кунанд.

Дар кори аксари тарҷумонҳо зарурати мутобиқ кардани асл ба шунавандаи мақсаднок мушоҳида мешавад, ки метавонад иловаҳо ё ихтисорҳоро талаб кунад. Тафовутҳои мазҳабӣ, миллий ва фарҳангӣ низ метавонанд тарҷумаро мураккаб гардонанд.

Барои ба таври дақиқ расонидани маънои асли, тарҷумонҳо аксар вақт ба тағйироти эҷодӣ муроҷиат мекунанд, то руҳи матнро дубора зинда созанд. Баъзан ин раванд аз мазмуни асли дуршудан мебоҳад.

Аз ин рӯ, метавон хулоса кард, ки тарҷумаи озод, ки аз ҷониби як шоири воқеӣ бо истеъдоди илоҳии дарки матни хориҷӣ анҷом дода шудааст, ҳаққи вучуд доштанро дорад. Гоҳо чунин озодиҳо метавонанд муваффақ бошанд ва назар ба тарҷумаҳои заифӣ бадеӣ дақиқтар ба назар расанд.

Кӯшиши ҳифзи хусусиятҳои низоми тасвирий ва муҳтавои ғоявӣю мавзӯи асли барои тарҷумаи бадеӣ хос аст, ки дар **зерфасли сеюми фасли сеюми боби се** – «Тарҷумаи бадеӣ» баррасӣ мешавад.

Тарҷумаи бадеӣ як навъи эҷоди адабист, ки дар раванди он асаре, ки ба як забон вучуд дорад, ба забони дигар эҷод ва бозофарӣ мешавад. Ҳангоми тарҷумаи осори адибони шарқ ба забони русӣ бояд як қатор масъалаҳоро ба назар гирифт, ки ин мушкилот махсусан ҳангоми тарҷумаи лирикаӣ форсиву тоҷикӣ муҳим мегардад.

Зерфасли чаҳоруми фасли сеюми боби се «Тарҷумаи филологӣ» унвон дошта, таваҷҷуҳи асосӣ ба тарҷумаҳои филологӣ ва ё тарҷума-таҳқиқҳо равона мегардад, ки қабл аз ҳама барои мутахассисон пешбинӣ шудаанд, гарчанде таваҷҷуҳи хонандагони умумиро низ ба худ ҷалб мекунанд – онҳое, ки мебоҳанд донанд, муаллифи асли дар ҳақиқат чӣ гуфтааст ва чӣ гуна инро баён намудааст.

Мутаассифона, чунин тарҷумаҳо дар миқёс маҳдуд пешниҳод мешаванд ва одатан, аз ҷониби филологҳо ва ё тарҷумонҳои касбӣ, ки ба забони матни асл мусаллатанд, иҷро мегарданд. Ин гуна тарҷумаҳо одатан бо шарҳҳо ҳамроҳ

мешаванд, ки ба фаҳмиши амиқтар ва дурусти матни асли мусоидат мекунанд. Назмӣ будани матн, ки ба сифати як навъи осори бадеӣ шинохта мешавад, бояд тавассути матни назмӣ, ки ба сатри шеърӣ чудо шудааст, ифода ёбад.

Мушкилоти тарҷумаи байтҳои шеърӣ, хусусан ғазалҳо, пеш аз ҳама дар он аст, ки ташкили назмӣ ва шакли назмии онҳо, ба усули тарҷума таъсири худро мерасонад.

Бисёре аз муҳаққиқон сохтори қофияҳои ғазалҳои Ҳофизро муҳимтарин хусусияти тарҷумаи бадеӣ меҳисобанд ва зарур мешуморанд, ки онро то ҳадди имкон дақиқ дар тарҷума таҷассум кунанд.

Асоси ғазалҳо вазни муайян мебошад, ки дорои сохтор, муносибати руқноҳо, хусусият ва шумораи онҳо мебошад ва аз тағйироти ритмӣ ҷузъӣ вобаста нест.

Бо тақя ба қорҳои Н.Ю. Чалисова, М.Л. Рейснер, Н.И. Пригарина ва М.А. Русанова дар масъалаи бартарии мавзӯ ва рамзҳои тасаввуфӣ дар ғазалҳои Ҳофиз, ман бо муҳаққиқони эронӣ ва русӣ ҳамназарам, ки барои баррасии ҷанбаи дигари мутолиа ва тарҷумаи осори адабии форсӣ тоҷикӣ таъкид мекунанд.

Ҳар тарҷумаи ғазал бояд бо тавзеҳоти образҳо ва маъниҳои байтҳо ҳамроҳ карда шавад.

Бо ҳамин, дар илми муосири ҳофизшиносӣ, ки дараҷаи дақиқии тарҷума ва шеваҳои гуногуни тафсири ғазалҳои ўро меомӯзад, масъалаи зарурати тарҷумаи филологӣ хеле муҳим аст.

Хулосаи боби сеюм: Натиҷаҳои таҳқиқоти шарқшиносон нақши муҳим дар дарки мушкилоти тарҷума ва таъсири шеъри Ҳофиз ба адабиёти хориҷӣ мебозанд. Ин таҳқиқот имкон доданд, ки маълумот дар бораи унсурҳои сабки шоиронаи Ҳофиз, ки дигар шоирон қабул ва татбиқ кардаанд, васеъ карда шавад ва таҷҳизоти нави бадеии ба вучудодада дар натиҷаи тамоси эҷодӣ бо осори ӯ ошкор карда шаванд. Ин гуна таҳқиқот ба олимони ва шоирони дар саросари ҷаҳон кумак мекунанд, ки анғезаҳо ва арзишҳои асосии осори Ҳофиз ва таъсири онро ба анъанаҳои гуногуни шоирона амиқтар дарк намоянд.

Олимони тоҷик таҳқиқоти худро дар самти омӯзиши таъсири осори Ҳофиз ва тарҷумаи ашъори ӯ ба забонҳои дигар фаъолона идома медиҳанд. Ҳиссаи онҳо дар рушди адабиёт ва дарки шеъри

чаҳонӣ хеле муҳим буда, корҳои онҳо чузъи ҷудопозири мероси фарҳангии Тоҷикистон гардидаанд. Натиҷаҳои ин таҳқиқот барои насли нави нависандагон ва муҳаққиқони адабиёт илҳомбахшанд ва онҳоро ба омӯзиши амиқи осори Ҳофиз ва нақши он дар поэтикаҳои гуногуни ҷаҳонӣ ташвиқ менамоянд.

Яке аз сабабҳои мушкilotи дарки ашъори Ҳофиз ба забони русӣ метавонад тафовутҳои фарҳангӣ ва таваҷҷуҳи нокифоя ба адабиёти форсиву тоҷикӣ дар ҷомеаи русии асри гузашта бошад. Эҳтимол, шумораи тарҷумаҳои ашъори Ҳофиз ба забони русӣ кофӣ набуд ва ин тарҷумаҳо миёни хонандагон васеъ паҳн нашуда буданд. Ғайр аз ин, бояд ба назар гирифт, ки анъанаи шеърҳои русӣ хусусиятҳои худро дорад ва тарзи қабули онро, ки мумкин аст бо шеваи ифодаи Ҳофиз ҳамоҳанг набошад, муайян менамояд.

Душвориҳои тарҷумаи ашъори Ҳофиз ба забони русӣ бо фарқиятҳои забонӣ ва фарҳангии байни забонҳои форсӣ ва русӣ низ вобастаанд. Тарҷумонҳо ҳангоми кӯшиши интиқоли маънои комил ва зебоии матни асли бо мушкilotи ҷиддӣ рӯ ба рӯ мешаванд. На ҳама вақт имкон дорад, ки ба забони русӣ тамоми нозукиҳо ва тобишҳое, ки ашъори Ҳофизро ҷолиб ва серқабат мегардонанд, интиқол дод. Ин мушкilot барои шоирони тарҷумон, ки бо ашъори Ҳофизӣ Шерозӣ кор мекунанд, монеаҳои муайян эҷод мекунанд.

ХУЛОСА

Дар асоси таҳқиқи анҷомдода ва баррасии ҷанбаҳои калидии мавзӯ, мо ба як қатор хулосаҳои асоснок расидем, ки дар зер пешниҳод мегарданд:

1. Ҷазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ дар минтақаҳои гуногун, аз ҷумла Эрон, Осиёи Марказӣ, Ироқ, Қазқоз, Ҳинд, Чин, Русия, Фаронса ва ғайра нуфузу эътибори зиёд доранд. Ин таълифот на танҳо мавриди омӯзиш қарор мегирифтанд, балки боиси таҳсин ва эҳтироми шоирон ва нависандагони зиёде, мисли Пушкин, Толстой, Гюго, Гёте ва дигарон гардидаанд. Сабабҳои ин маъруфияти зиёду густариши ашъори шоир гуногунанд, вале ҳамаи онҳо ба таъсири суҳанони Ҳофиз бармегарданд, ки инро муаррихони Шарқ ва мутахассисони каломи Ҳофиз тасдиқ мекунанд [1-М; 4-М; 11-М; 12-М; 18-М; 19-М].

2. Д.П. Ознобишин, тарафдори равиши илмӣ ба фарҳанги Шарқ, саҳми худро дар вусъат бахшидану тарғиби мавзуҳои алоқаманд ба Шарқ дар адабиёти рус гузошт. Ӯ таваҷҷуҳ ба бунмояҳои эпикурӣ дошт ва бо муҳаббат ғазалҳои Ҳофизро таҳсин мекард, талош мекард, ки мухтассоти аслиро нигоҳ дошта, дар баробари ин, ба забони русӣ мутобиқ созад [14-М].

3. Афанасий Фет – шоири маъруфи романтик низ дар ин самт саҳми худро гузошта, ғазалҳои Ҳофизро ба воситаи асарҳои шоири олмонӣ Георг Даумер тарҷума кард. Бо чунин кӯшишҳо, ғазалҳои Ҳофиз ба ҷузъи муҳимми поэтикаи рус табдил ёфтанд [6-М; 8-М; 10-М].

4. Н. Гумилёв Ҳофизро шоири осмонӣ медид ва соҳиби забони муъҷизавӣ медонист, ки шодиву зебоии заминро суруд мекунад, мураббӣ ва раҳнамои ҷавонон буда, таълифоташ суруди муҳаббат мебошад. Ин шоири Шарқ боиси таҳсин ва илҳом бахшидан ба шоирону адабиётшиносон ва нависандагони маъруф гардид [4-М].

5. Адабиётшиносони тоҷик саҳми назаррасе дар омӯзиши мероси хаттии классикии форсӣ ва баррасии масъалаҳои пайванди фарҳангу адабиёти халқҳои форсизабон ва туркзабон гузоштаанд. Асарҳои олимоне, мисли С. Айнӣ, Е.Э. Бертелс, И.С. Брагинский, А. Мирзоев, Р. Халилзод, А. Афсаҳзод, В. Самад, А. Сайфуллоев, Э. Шодиев, С. Воҳидов, Г. Саломов, Н. Комилов, инчунин, пажӯҳишҳои Р. Мусулмонкулов ва дигарон дастовардҳои муҳим дар омӯзиши пайванди адабии тоҷику рус, таъсири мутақобил ва равобити адабиёти халқҳои гуногунро дарбар мегиранд [7-М].

6. Таъсири адабиёти тоҷикӣ-форсӣ дар адабиёти русии асри XIX, бахусус, дар жанри «назира», ҷавобҳои шоирона ба сатҳҳои классикаи форсӣ-тоҷикӣ, хуб эҳсос мешавад. Ғазали Ҳофиз «Агар он турки шерозӣ...» низ диққати нависандагон ва шоирони ҷаҳон, аз ҷумла И.В. Гёте, фон Ҳаммер Пургштал, В. Гюго, М.Д. Деларю ва В.Н. Григоревро ҷалб кардааст. Тарҷумаҳои гуногуне анҷом ёфта, ҳар кадоме таъбироти худро аз матни асли доранд [3-М].

7. Омӯзиши масъалаҳои марбут тарҷумаи ғазалҳои Ҳофиз аз форсӣ-тоҷикӣ ба забони русӣ нишон медиҳад, ки ин раванд на танҳо ба густариш ва амикрафти дониши адабӣ ва фарҳангии дигар халқҳо мусоидат мекунад, балки ба хонандагони

русзабон имконияти медиҳад, ки ба асарҳои шоири бузурги форсу тоҷик дастрасӣ пайдо кунанд. Бо вучуди таърихи тулонӣ ва анъанаи устувори тарҷумаю ҳамгирии адабиёти тоҷикӣ-форсӣ дар фарҳанги рус бисёр тарҷумаҳои ғазалиёти Ҳофиз ба забони русӣ натавонистаанд ниёзҳои пурраи онҳое, ки ҳарду забонро медонанд, қонеъ созанд [9-М].

8. Шеърҳои Ҳофизӣ Шерозӣ таъсири амиқ ба адабиёти ҷаҳон гузошта, ғазалҳои ӯ дар кишварҳои гуногун, аз ҷумла Ҳинд, Арабистони Саудӣ, Туркия, Озарбойҷон, Осиёи Марказӣ, Русия, Олмон, Англия ва дигар манотиқ тарҷума ва нашр шудаанд. Ин тарҷумаҳо ба пахншавии эҷодиёти шоири бузург мусоидат карданд ва асарҳои ӯ манбаи илҳом барои шоирон ва нависандагони зиёд гаштанд. Классикони адабиёти форсӣ-тоҷикӣ, мисли Камол Худчандӣ, Бадриддин Ҳилолӣ, Алишер Навоӣ, Абдурахмони Ҷомӣ ва дигарон аз ғазалҳои Ҳофиз илҳом гирифта, ба ӯ пайравӣ карда, анъанаи ӯро дар шеърҳои худ идома додаанд [2-М; 5-М].

9. Ҷанбаи муҳими таҳқиқ таҳлили воридоти жанри буд: шоирони рус на танҳо ғазалҳои Ҳофизро тарҷума мекарданд, балки шеърҳои худро дар ин шакл эҷод менамуданд ва инчунин, «назира» – ҷавобҳои шоирона ба ғазалиёти Ҳофиз менавиштанд. Муқоисаи намудҳои гуногуни тарҷумаҳо (зери сатр, озод, хунарий ва филологӣ) мушқилооти интиқоли поэтикаи ашъори форсиро ба забони русӣ ва инчунин, бозёфтҳои эҷодии тарҷумонҳоро, ки кӯшиш мекарданд иродаи муаллиф ва руҳи матни аслро нигоҳдоранд, ошкор кард [13-М].

10. Таҳқиқоте, ки ба тарҷумаи ғазалҳои Ҳофизӣ Шерозӣ ба забони русӣ бахшида шудаанд, имконият доданд, ки ҷанбаҳои калидии ҳамкориҳои анъанаҳои адабии форсӣ ва русро кушояд. Ҳофиз, ки эҷодиёти ӯ рамзи шеърӣ Шарқ гардид, барои тарҷумон ҷوليшест, ки ғазалҳои ӯ заминаи муқаррарии жанрро бо амиқии маъноҳои фалсафӣ, рамзҳои орифона ва бозии маъноҳо муттаҳид мекунанд. Дар ҷараёни таҳқиқ муайян гардид, ки интиқоли ин хусусиятҳо ба забони русӣ на танҳо дақиқии забонӣ, балки фаҳмиши амиқи заминаҳои фарҳангӣ, таърихӣ ва диниро талаб менамояд [14-М].

11. Таҳлили тарҷумаҳо нишон дод, ки таъбироти русии ғазалҳои Ҳофиз дар якҷанд самт рушд кардааст. Аз як тараф,

кӯшишҳо барои то ҳадди имкон наздик шудан ба шакл ва мазмун (тарҷумаҳои зерӣ сатр ва филологӣ) вучуд доштанд, аз тарафи дигар, таъбироти озод, ки тарҷумонҳо мисли шоирони назарӣ гунаҳои нави ҳунариро эҷод мекарданд ва тасвирҳои шарқиро ба поэтикаи адабии рус мутобиқ месохтанд. Интиқоли маънии чандқабатаи маҷозҳои Ҳофиз, мисли «шароб», «духтари дил», «бӯроби гул», ки маънии мистикӣ доранд, мушкilotи махсус дошт [15-М; 16-М; 17-М].

12. Як ҳулосаи муҳими таҳқиқ дар он аст, ки ҳеҷ яке аз усулҳои мавҷудаи тарҷума наметавонад комилан фарогир бошад. Тарҷумаи тахтullaфзӣ дақиқии маълумотро нигоҳ медорад, вале шеърӣ аз даст медиҳад; тарҷумаи озод матнро бо маъниҳои нав бой мекунад, вале хатар дорад, ки аз матн асл дур шавад; тарҷумаи ҳунарий кӯшиш мекунад, ки байни дурустӣ ва баёни шеърӣ мувозан созад, вале бидуни шакк тахти таъсири дарки субъективӣ тарҷумон қарор мегирад. Ҷиҳати авлотар он аст, ки муттаҳидию дониши филологӣ бо баёни шеъриро пешниҳод кунад ва ҳамзамон, бо тарҷума тавзеҳоти муфассал диҳад, ки инъикоскунандаи ақидаи фарҳангии динӣ бошад [12-М; 13-М].

13. Бо вучуди кӯшишҳо ба ҳарч додани тарҷумонҳо бисёр ҷузъиёти матн асл дар раванҷҳои тарҷума аз байн рафта, барои пурра дарк кардани он андешаҳои орифона ва эҳсосии шеъри Ҳофиз монеа эҷод мекунад. Ғазалҳои Ҳофиз, ки пур аз рамзҳо, ташбеҳоту истиораҳо ва ишораҳои фарҳангӣ мебошанд, дар тарҷумаҳо маъно ва дарки дигар пайдо мекунад, ки ин ҳатман ба руҳияи хонанда таъсир мерасонад.

Аз ин ҷиҳат, тарҷумаи ғазалиёти оламгирӣ Хоча Ҳофизи Шерозӣ ба забони русӣ амрест бас душвору нозук, ки тафаккури амиқ ва ҳисси баланди зебоипарастиро тақозо мекунад. Фақат бо таваҷҷуҳи тамом ва эҳсоси баланди ботинӣ метавон он ҳама ҷаззобият, нерӯ ва латофату назокати суҳанро, ки дар ҳар байти ӯ нуҳуфтааст, ба забони дигар интиқол дод. Шеъри Ҳофиз на танҳо ба қалбҳои мардуми Шарқ марҳам бахшидааст, балки мутафаккирону шоирони маъруфи Аврупоро низ мафтунӣ худ сохта, ҳамчун сарчашмаи бепоёни хирад, ишқ ва илҳом пазируфта шудааст. «Девони Ҳофиз» аз марзҳои Эрон фаротар рафта, ҳам дар

Шарқу ҳам дар Ғарб нуфуз пайдо карда, ба яке аз ҷавоҳироти нодирӣ адабиёти умумибашарӣ мубаддал гардидааст [13-М; 14-М].

ТАВСИЯҲО ОИД БА ИСТИФОДАИ АМАЛИИ НАТИҶАҲОИ ТАҲҚИҚ

• Дар асоси таҳқиқи анҷомдодашуда истифодаи амалии натиҷаҳои он дар ҷанд самти калидӣ қобили татбиқ мебошад, ки, пеш аз ҳама, ба соҳаҳои маориф ва фаъолияти маърифатӣ дахл дорад. Мавод ва хулосаҳои ин кори таҳқиқӣ метавонанд заминае барои таҳияи курсҳои нави таълимӣ ё бознигарии курсҳои мавҷуда дар бахшҳои адабиётшиносии муқоисавӣ, таърихи адабиёти русии асри XIX ва ибтидои асри XX, назария ва амалияи тарҷумаи бадеӣ дар факултетҳои филологии муассисаҳои таҳсилоти олӣ бошанд. Хусусан, таҳияи курси махсус таҳти унвони «Равобити адабии русу шарқ: пазируфт ва бозтоби шеърӣи Ҳофизи Шерозӣ» мувофиқи мақсад мебошад, ки метавонад барои донишҷӯёни ихтисоси русшиносӣ ва шарқшиносӣ судманд бошад. Дар заминаи ин курс таҳияи васоити таълимӣ ва хрестоматияҳое, ки ҳам матнҳои аслии ғазалиёти Ҳофиз ва ҳам намунаҳои гуногуни тарҷума ва бознависи онҳоро дар бар мегиранд, имкон медиҳад, ки донишҷӯён равандҳои таҳаввули тарҷумаро дар амал омӯхта, малакаҳои таҳлили муқоисавӣ ва фаҳмиши рамзҳои фарҳангиро инкишоф диҳанд. Илова бар ин, натиҷаҳои марбут ба хусусияти жанрии ғазал ва тачрибаи назми «назира» (ҷавобҳои шеърӣ) метавонанд дар раванди омӯзиши ғанҳое, ки ба назарияи жанр ва муоширати байнифарҳангӣ марбутанд, мавриди истифода қарор гиранд. Ин раванд дар ташаккули қобилияти таҳлили осори адабӣ ва тафаккури танқидии донишҷӯён нақши муҳим мебозад.

• Аз ҷониби дигар, кори таҳқиқи мазкур аҳаммияти амалӣ барои фаъолияти муосири тарҷумонӣ низ дорад. Таҳлили ҷанбаҳои мусбат ва мушкilotи навъҳои гуногуни тарҷума (тарҷумайи тахтулафзӣ, озод, бадеӣ ва филологӣ) барои тарҷумонҳое, ки бо шеърӣи шарқӣ сару кордоранд, ба ҳайси роҳнамо хизмат мекунад. Хулосаи таҳқиқ оид ба зарурати истифодаи равиши мураккаб, ки дар он зебоии шоирона ва ҳатман бо тавзеҳоти фарҳангӣ ва таърихӣ-адабӣ ҳамроҳ мегардад, метавонад ҳамчун намуди намунавӣ барои таҳияи тарҷумаҳои наву илмӣ ва дар айни

хол бадеии пурмазмун, аз ҷумла ғазалиёти Ҳофиз ва дигар намояндагони адабиёти классикии форсу тоҷик истифода шавад. Махсусан, ин ҷиҳат барои лоиҳаҳои нашрӣ, ки ба муаррифии мероси асили адабиёти шарқӣ ба хонандаи русзабон равона шудаанд, аҳаммияти баланд дорад, зеро ҷунин равиш имкон медиҳад, ки аз сода ва ё тасвири экзотикии барзиёд худдорӣ карда шавад.

- Гузашта аз ин, натиҷаҳои пажӯҳиш метавонанд дар қорҳои фарҳангиву маърифатӣ низ мавриди истифода қарор гиранд, аз ҷумла дар ташкили намоишгоҳҳо, шабҳои адабӣ, лексияҳо ва барномаҳо, ки ба муколамаи фарҳангии байни Русия ва кишварҳои Шарқ бахшида шудаанд. Маводди марбут ба фаъолияти «Ҳофизияҳо» ва таъсири шеърӣ ба эҷодиёти Пушкин, Фет, Гумилёв ва Есенин барои доираи васеи шунавандагон ҷолиб буда, ба амиктар дарқ кардани адабиёти классикии рус дар контексти байналмилалӣ мусоидат мекунад. Ин раванд барои нишон додани иртиботи амиқи суннатҳои адабӣ хизмат менамояд. Ҳамин тавр, аҳаммияти амалии қори таҳқиқӣ дар он ифода меёбад, ки он метавонад барномаҳои таълимиро пуробуранг гардонад, усулҳои тарҷумаи бадеиро такмил диҳад ва муколамаи фарҳангиро байни Русия ва кишварҳои Шарқ бо таъя ба таҳлили муфассали равандҳои таърихӣ пазируфт ва бозтоби эҷодиёти Ҳофизи Шерозӣ дар муҳити адабии рус фаъол созад.

- Ҳамчунин, ин пажӯҳиш ба густариши муколамаи фарҳангӣ байни Шарқ ва Ғарб мусоидат менамояд, зеро иртибот ва таъсири мутақобилаи суннатҳои адабӣ дар он ба таври возеҳ нишон дода шудааст. Аз ин рӯ, он метавонад дар доираи лоиҳаҳои фаромиллӣ ва башардӯстона, аз ҷумла барномаҳои байналмилалӣ фарҳангӣ ва илмӣ мавриди истифода қарор гирад. Илова бар ин, маводди таҳқиқӣ барои омода сохтани нашрияҳои нав аз осори Ҳофиз бо тарҷумаи ҳамзамон, тавзеҳоти илмӣ ва мутобиқсозӣ барои хонандагони касбӣ ва умумӣ заминаи мусоид фароҳам меорад. Илова бар ин, ин натиҷаҳо метавонанд дар лоиҳаҳои гуманитарии рақамӣ, аз ҷумла сохтани китобхонаҳои электронӣ, платформаҳои таълимӣ ва захираҳои мултимедиявӣ марбут ба адабиёти Шарқ ва поэтикаи он самаранок истифода шаванд.

РҶҶҲАТИ АДАБИЁТ

І. Сарчашмаҳо:

1. Бестужев-Марлинский, А. А. Полное собрание стихотворений (вступ. статья Н. И. Мордовченко) [Текст] / А. А. Бестужев-Марлинский. – Л.: Сов. писатель, 1961. – 311 с.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика [Текст] / А. Н. Веселовский. – М.: Наука, 1989. – 403 с.
3. Гумилёв, Н. Собрание сочинений: в 3 т. [Текст] / Н. Гумилёв. – М., 1991. – Т. 3. – 216 с.
4. Есенин, С. А. Персидские мотивы [Текст] : цикл стихотворений / С. А. Есенин. – М.: Художественная литература, 1984. – 48 с.
5. Журден, А. О языке персидском и словесности [Текст] / А. Журден // Вестник Европы. – 1815. – №14. – С. 109-120.
6. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – 384 с.
7. Фет, А. А. Из Гафиза [Текст] / А. А. Фет // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М., 1988. – 1036 с.
8. Хафиз Ширази. Газели [Текст] / Хафиз Ширази; пер. Г. Пясецкого // Литературная Армения. – 1973. – №10. – С. 68-72.
9. Ҳофизӣ Шерозӣ. Куллиёт [Матн] / Ҳофизӣ Шерозӣ. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 669 с.

ІІ. Адабиёти илмӣ:

10. Абдусатторов, А. Влияние арабской литературы на персидско-таджикскую поэзию XI в. (период ранних Газневидов): автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.03 / А. Абдусатторов. – Душанбе, 2002. – 50 с.
11. Алексеев, П. В. Ознобишин и Хафиз: проблемы перевода суфийской поэтики [Текст] / П. В. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – №2 (22). – С. 66-70.
12. Аминов, А. С., Холов, Х. Р. Художественный перевод с русского на таджикский и с таджикского на русский языки: практический курс [Текст] / А. С. Аминов, Х. Р. Холов. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 149 с.

13. Афсаҳзод, А. Ҳофизнома [Матн] / А. Афсаҳзод. – Душанбе, 1971. – 104 с.
14. Батъянов, Н. Персидские поэты в русских переводах [Текст] / Н. Батъянов. – СПб., 1845. – 174 с.
15. Брагинский, И. С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте [Текст] / И. С. Брагинский // И. В. Гёте. Западно-восточный диван. – М.: Наука, 1988. – С. 572-600.
16. Гольц, Т. М. К проблеме влияния таджикско-персидской литературы на русскую литературу 20–30-х гг. XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Т. М. Гольц. – Душанбе, 1980. – 19 с.
17. Гроссман, Л. Пушкин и Восток [Текст] / Л. Гроссман. – М.: Наука, 1965. – 84 с.
18. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики [Текст] / Г. А. Гуковский. – М.: Худ. лит., 1965. – 258 с.
19. Давронов, А. Мушкilotи пайвандҳои адаби [Матн] / А. Давронов. – Душанбе: Нашриёти Донишгоҳ (ДСРТ), 1999. – 134 с.
20. Илюшин, Е. А. Стихотворное наследие А. А. Бестужева-Марлинского: дис... канд. филол. наук [Текст] / Е. А. Илюшин. – М., 1996. – 195 с.
21. Имомов, М. С. Литературные связи таджикского и русского народов (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / М. С. Имомов. – Душанбе: Дониш, 1978. – 185 с.
22. Каганович, С. Л. Русский романтизм и Восток [Текст] / С. Л. Каганович. – Ташкент: Фан, 1994. – 113 с.
23. Конрад, Н. И. Запад и Восток. Статьи [Текст] / Н. И. Конрад. – М.: Главная ред. вост. лит., 1972. – 496 с.
24. Кузьмин, М. А. Осенние озёра [Текст] / М. А. Кузьмин. – М., 1912. – 171 с.
25. Мохаммади, З. Пушкин и Хафиз: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / З. Мохаммади. – М., 2008. – 167 с.
26. Муллоджонова, З.А. Стиль оригинала и перевода [Текст] / З. А. Муллоджонова. – Душанбе, 2014. – 192 с.
27. Нуралиев, А. Восприятие творчества Хафиза в России (XIX – начало XX вв.) [Текст] / А. Нуралиев. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 115 с.

28. Пригарина, Н. И. Персидская поэзия и Россия [Текст] / Н. И. Пригарина. – М.: Восточная литература, 1999. – 218 с.
29. Рахимова, М. И. Хафизоведение в Таджикистане: дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / М.И. Рахимова. – Душанбе, 2012. – 185 с.
30. Рахманов, Б. Р. А. А. Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Б. Р. Рахманов. – Душанбе, 2006. – 26 с.
31. Русакова, М. В. Литература России и Восток: учебное пособие [Текст] / М. В. Русакова. – Душанбе: РТСУ, 2014. – 280 с.
32. Русанов, М. А. Русские поэты и Хафиз: к проблеме межкультурного диалога [Текст] / М. А. Русанов // Филология и культура. – 2017. – №3 (49). – С. 120-126.
33. Рустамова, Г. Р. Проникновение газелей Хафиза [Текст] / Г. Р. Рустамова // Вестник ТНУ. Филология. – 2016. – №4/3 (203). – С. 169-213.
34. Самад, В. Газель Хафиза с точки зрения Толстого [Текст] / В. Самад // Восток. – 1991. – С. 127-130.
35. Самад, В. Қадри як ғазал [Матн] / В. Самад // Садои Шарк. – 1971. – №3. – С. 84–95.
36. Сафиуллина, Р. М. Русский модернизм и Восток [Текст] / Р. М. Сафиуллина. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 144 с.
37. Сенковский, О. И. Восточные повести [Текст] / О. И. Сенковский. – СПб., 1830. – 312 с.
38. Соловьёв, С. Восток в русской поэзии XIX века [Текст] / С. Соловьёв. – М., 1900. – 189 с.
39. Табаров, С. Традиции Хафиза в поэзии Ирана и Таджикистана XX века [Текст] / С. Табаров // Вестник Таджикского национального университета. Сер. гуманитар. наук. – 2013. – №3/8. – С. 124-129.
40. Тартаковский, П. И. Русская советская поэзия [Текст] / П. И. Тартаковский. – Ташкент, 1977. – 167 с.
41. Ходжибаева, Б. А., Мирзоюнус, М. Пушкин и Восток [Текст] / Б. А. Ходжибаева, М. Мирзоюнус. – Худжанд, 1999. – 186 с.
42. Хусейнзода, Ш. Ҳофиз ва ҷаҳонбинии ӯ [Матн] / Ш. Хусейнзода. – Душанбе: Маориф, 1989. – 176 с.

43. Чалисова, Н., Смирнов, А. Подражания восточным стихотворцам [Текст] / Н. Чалисова, А. Смирнов. – М.: Вост. лит. РАН, 2000. – С. 245–344.
44. Шодикулов, Х. Робитаҳои адабӣ ва тарҷума [Матн] / Х. Шодикулов. – Душанбе: Адиб, 1987. – 111 с.
45. Шокир Мухтор. На пути познания газелей Хафиза [Текст] / Ш. Мухтор // Голос Востока. – 1982. – 208 с.
46. Шукуров, М. Эстетические взгляды народа и реалистическая проза [Текст] / М. Шукуров. – Худжанд: Нури маърифат, 2006. – 190 с.

III. Манбаъҳои интернетӣ:

47. Гольц, Т. М. Поэт и полиглот [Электронный ресурс] / Т. М. Гольц // Д. П. Ознобишин. Стихотворения. Проза. Изд. подг. Т. М. Гольц, А. А. Гришунин, Н. Н. Холмухамедова. В 2 кн. Кн. первая. – М.: Наука, 2001. – Режим доступа: <http://ozon.ru/context/detail/id/15561>. (Дата обращения: 13.06.2019).
48. Ознобишин, Д. П. Стихотворения. Проза: в 2 кн. [Электронный ресурс] / Д. П. Ознобишин. Изд. подг. Т. М. Гольц, А. А. Гришунин, Н. Н. Холмухамедова. – М.: Наука, 2001. – Кн. I. – Режим доступа: http://kniga.zetdshinin.ru/modules.php?d_op=vie. (Дата обращения: 01.05.2020).

IV. Адабиёт бо забонҳои хориҷӣ:

49. d’Herbelot, B. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connaître les peuples d’Orient [Text] / B. d’Herbelot. – Paris, 1697. – Pp. 213-261.
50. Daumer, G. F. Hafis: Eine Sammlung persischer Gedichte [Text] / G. F. Daumer. – Hamburg, 1856. – 176 s.
51. Diez, F. von. Ausgewählte Texte... [Text] / F. von Diez. – [Ort: Verlag, Jahr]. – 483 s.
52. Du Ryer, A. Gulistan... [Text] / A. du Ryer. – Paris: A. de Sommaville, 1634. – 358 p.
53. Goethe, J. W. West östlicher Divan [Text] / J. W. Goethe. – Stuttgart: Cotta, 1819. – 640 p.
54. Hafis; Hammer-Purgstall. Der Diwan [Text] / Hammer-Purgstall. – München: Süddeutsche Zeitung Edition / Bibliotheca Anna Amalia, 2007. – 496 s.

55. Norwid, C. Pisma wszystkie [Text] / comp. by J. W. Gomulicki. – Warszawa, 1971. – Vol. I–XI. – 318 s.
56. Olearius, A. Vermehrte neue Beschreibung... [Text]. – A. Olearius. – Tübingen: Niemeyer, 1671 – 276 s.
57. Rückert, F. Östliche Rosen / Friedrich Rückert. – Leipzig: Weidmann, 1822. – VIII. – 208 s.

РӮЙХАТИ ИНТИШОРОТИ ИЛМИИ ДОВТАЛАБИ ДАРАҶАИ ИЛМӢ ДОИР БА МАВЗУИ ДИССЕРТАТСИЯ

I. Таълифоти муаллиф дар маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон:

- [1-М]. Дилрабои, О. К истории перевода одной газели [Текст] / Б.Р. Рахманов, О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2017. – №4/5. – С. 220-224.
- [2-М]. Дилрабои, О. Особенности влияния творчества Хафиза на современную таджикскую поэзию [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №8. – С. 267-270.
- [3-М]. Дилрабои, О. Хафиз Ширази и кружок «Северный Хафиз» [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №8. – С. 391-397.
- [4-М]. Дилрабои, О. К проблеме освоения Хафиза Ширази в русской литературе [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №3. – С. 261-267.
- [5-М]. Дилрабои, О. Влияния творчества Хафиза в современной таджикской поэзии [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №4. – С. 229-234.
- [6-М]. Дилрабои, О. Мотив соловья и розы в интерпретации А.А. Фета [Текст] / О. Дилрабо // Вестник Таджикского

национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №5. – С. 237-243.

II. Таълифоти муаллиф дар маҷмӯа ва нашриҳои дигари илмӣ:

- [7-М]. Дилрабои, О. Особенности влияния творчества Хафиза в поэзию Лоика Шерали [Текст] / О. Дилрабо // Российско-Таджикский (славянский) университет. Сборник статей. – Душанбе, 2019. – С. 106-109.
- [8-М]. Дилрабои, О. «Чистое искусство» в лирике А. Фета [Текст] / О. Дилрабо // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях» (Душанбе, 5 февраля 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 162-167.
- [9-М]. Дилрабои, О. Особенности подстрочных переводов некоторых газелей Хафиза Ширази на русский язык [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкознания и литературоведения в современном времени» (Душанбе, 23 декабря 2022 г.). – Душанбе, 2022. – С. 32-34.
- [10-М]. Дилрабои, О. Хафиз в творческом сознании А.А. Фета (проблемы восприятия) [Текст] / О. Дилрабо // Материалы научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой «Годам развития промышленности (2022-2026)» и «Чествованию Мавлоно Джалолидина Балхи». – Душанбе, 2022. – С. 143-147.
- [11-М]. Дилрабои, О. Газель – одна из основных форм персидско-таджикской литературы [Текст] / О. Дилрабо // Материалы республиканской научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях», посвященной Году русского языка (Душанбе, 7 февраля 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 60-66.
- [12-М]. Дилрабои, О. Идейно-художественное содержание газелей Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной студенческой научно-практической конференции ФГБОУ ВПО «Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И.

- Носова» (Магнитогорск, 28-31 марта 2023 г.). – Магнитогорск, 2023. – С. 332-334.
- [13-М]. Дилрабои, О. Мотив ветра (сабо) в творчестве Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы III научно-практической конференции молодых ученых Таджикского национального университета, посвященной «Дню молодёжи Таджикистана» и «Двадцатилетию изучения и развития естественных, точных и математических наук (2020-2040 гг.)». – Душанбе: ТНУ, 2023. – С. 100-102.
- [14-М]. Дилрабои, О. Особенности перевода некоторых газелей Хафиза на русский язык [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в странах СНГ (Душанбе, 8-9 ноября 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 373-375.
- [15-М]. Дилрабои, О. Использование символизма и метафор в газелях Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «Наука и образование: тенденции развития в условиях информационного общества», посвящённой 75-летию Таджикского национального университета. – Душанбе, 2023. – С. 508-511.
- [16-М]. Дилрабои, О. Мотив вина и любви в некоторых газелях Хафиза [Текст] / О. Дилрабо // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка и литературы» (Худжанд, 27-28 октября 2023 г.). – Худжанд, 2023. – С. 327-374.
- [17-М]. Дилрабои, О. Искусство и мистика в газелях Хафиза Ширази [Текст] / О. Дилрабо // Материалы апрельской конференции профессорско-преподавательского состава сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой 30-летию Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе, 2024. – С. 431-435.
- [18-М]. Дилрабои, О. Мотивы поэзии Хафиза Ширази в творчестве С. Есенина [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции

«Актуальные проблемы лингвистики и перевода». – Душанбе, 2024. – С. 68-71.

- [19-М]. Дилрабои, О. Влияние поэзии Хафиза Ширази на творчество Сергея Есенина: мотивы любви, природы и духовности [Текст] / О. Дилрабо // Материалы международной научно-практической конференции «XXVI Кирилло-Мефодиевские чтения» (22 мая 2025 г.). – Москва: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2025. – С. 352-355.

АННОТАТСИЯИ

диссертатсияи Дилрабои Одилхоча дар мавзуи «Ҳофизӣ Шерозӣ дар заминаи робитаҳои адабии русу шарқ (масоили дарк ва тарҷума)» барои дарёфти дараҷаи илмӣ доктори фалсафа (PhD) – доктор аз рӯи ихтисоси 6D021400 – Адабиётшиносӣ (6D021402 – Таърихи адабиёт, равобити адабӣ).

Калилвожаҳо: Ҳофизӣ Шерозӣ, робитаҳои адабии русӣ-шарқӣ, адабиёти форсӣ-тоҷикӣ, ғазал, дарк, пазирай, тарҷумай бадеӣ, шарқшиносӣ, романтизм, муодили бадеӣ, назира.

Таҳқиқи диссертатсионӣ ба таҳлили фарогири эҷодиёти шоири бузурги форсу-тоҷик Хоҷа Шамсиддин Ҳофизӣ Шерозӣ дар заминаи робитаҳои адабии русу-шарқӣ бахшида шудааст. Кори таҳқиқии мазкур ба баррасии эҷодиёти Ҳофиз дар заминаи ин робитаҳо, муайян кардани дараҷаи таъсири бунмояҳо ва образҳои лирикий ӯ ба назми русии асрҳои XIX-XX, инчунин, ба таҳлили амиқи масъалаҳои пазирай (азхудкунӣ ва дарк)-и асарҳои ин шоири классик аз ҷониби шоирони рус ва масъалаҳои тарҷумай ғазалҳои ӯ ба забони русӣ равона шудааст.

Асосҳои методологии таҳқиқро муносибати маҷмӯй ташқил медиҳад, ки дарбаргирандаи усулҳои таҳлили муқоисавӣ-таърихӣ, муқоисавӣ-типологӣ, таҳлилий ва контекстуалӣ мебошад. Дар диссертатсия масъалаҳои марбут ба муайян кардани нақши тарҷумонҳо ва шарқшиносони Аврупои Ғарбӣ (аз ҷумла И.В. Гёте ва Ф. Рюккерт) ҳамчун миёнаравҳо дар паҳнкунии назми Ҳофиз дар Русия ба таври муфасссал омӯхта шудаанд.

Навгони илмӣ таҳқиқ дар он зоҳир мегардад, ки бори аввал таҳлили муқоисавии дарки классики форсизабон аз ҷониби нависандагони рус гузаронида шуда, таҳаввулоти бунмояҳои шарқӣ дар лирикаи русӣ мавриди омӯзиш қарор гирифта, хусусиятҳои пазирай ва тарҷумай ғазалҳои Ҳофиз дар муқоиса бо анъанаи шарқшиносии аврупоӣ ошкор карда шудаанд.

Аҳаммияти амалии кор дар он зоҳир меёбад, ки хулосаҳои диссертатсияро ҳангоми таҳияи курсҳои таълимӣ ва семинарҳои махсус оид ба робитаҳои адабии русӣ-шарқӣ ва назарияи муоширати байнифарҳангӣ истифода бурдан мумкин аст. Натиҷаҳои таҳқиқ, инчунин, барои рушди самти илмӣ-амалии «Тарҷумай бадеии назми шарқӣ» аҳаммияти махсус доранд.

АННОТАЦИЯ

диссертации Дилрабои Одилходжа на тему «Хафиз Ширази в контексте русско-восточных литературных связей (проблемы восприятия и перевода)» на соискание учёной степени доктора философии (PhD) – доктора по специальности 6D021400 – Литературоведение (6D021402 – История литературы, литературные связи).

Ключевые слова: Хафиз Ширази, русско-восточные литературные связи, персидско-таджикская литература, газель, восприятие, рецепция, художественный перевод, востоковедение, романтизм, художественный эквивалент, назира.

Данное диссертационное исследование посвящено комплексному анализу творчества великого персидско-таджикского поэта Ходжа Шамсиддина Хафиза Ширази в контексте русско-восточных литературных связей. Работа направлена на рассмотрение творчества Хафиза на фоне этих связей, определение роли мотивов его лирики в русской поэзии XIX-XX веков, а также на глубокий анализ проблем рецепции (освоения и восприятия) произведений классика русскими поэтами и проблем перевода его газелей на русский язык.

Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, аналитический и контекстуальный методы анализа. В диссертации детально изучены вопросы выявления роли западноевропейских переводчиков и ориенталистов (таких как И.В. Гёте и Ф. Рюккерт) как посредников в распространении поэзии Хафиза в России.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведён всесторонний типологический анализ восприятия персоязычного классика русскими писателями, изучена эволюция восточных мотивов в русской лирике и выявлены особенности рецепции и перевода газелей Хафиза в сравнении с традицией европейского востоковедения.

Практическая значимость состоит в том, что выводы диссертации могут быть использованы в разработке учебных курсов и спецсеминаров по русско-восточным литературным связям и теории межкультурной коммуникации. Результаты работы также имеют значение для развития научно-практического направления «Художественный перевод восточной поэзии».

ANNOTATION

for the dissertation by Dilrabo Odilkhoja on the topic «Hafez Shirazi in the Context of Russian-Eastern Literary Relations (Problems of Perception and Translation)» for the degree of Doctor of Philosophy (PhD) – Doctor in the specialty 6D021400 – Literary Studies (6D021402 – History of Literature, Literary Relations).

Keywords: Hafez Shirazi, Russian-Eastern literary relations, Persian-Tajik literature, ghazal, perception, reception, literary translation, Oriental studies, Romanticism, artistic equivalence, nazirah.

This dissertation research is devoted to a comprehensive analysis of the work of the great Persian-Tajik poet Khoja Shams-ud-Dīn Hafez Shirazi in the context of Russian-Eastern literary relations. The study focuses on exploring Hafez's poetry against the backdrop of these relations, identifying the role of his lyrical motifs in 19th–20th century Russian poetry, and conducting an in-depth analysis of the problems related to the reception and perception of the poet's work by Russian poets, as well as the challenges of translating his ghazals into Russian.

The methodological foundation of the research is a comprehensive approach that includes comparative-historical, comparative-typological, analytical, and contextual methods of analysis. The dissertation thoroughly investigates the role of Western European translators and Orientalists (such as Johann Wolfgang von Goethe and Friedrich Rückert) as intermediaries in the dissemination of Hafez's poetry in Russia.

The scientific novelty of the research lies in its first-ever comprehensive typological analysis of the perception of this Persian-language classic by Russian writers, the exploration of the evolution of Eastern motifs in Russian lyric poetry, and the identification of the unique aspects of the reception and translation of Hafez's ghazals in comparison with the European tradition of Oriental studies.

The practical significance of the study lies in its potential application in the development of academic courses and specialized seminars on Russian-Eastern literary relations and intercultural communication theory. The results are also valuable for advancing the scholarly and practical field of «Artistic Translation of Eastern Poetry».